

Ант Скаландис
Меч Тристана

«Автор»

1997

Скаландис А.

Меч Тристана / А. Скаландис — «Автор», 1997

– Скрестим же наши мечи!– Скрестим, безумец! Наверно, он и вправду был безумцем. Удары сыпались градом, да какие удары! Тристан успевал подставлять меч, но, во-первых, с каждым разом жесткость возводимых блоков падала, все-таки мышцы не железные, а во-вторых, каким-то шестым чувством ощутил он слабинку своего клинка: искры сыпались на мокрые камни, звон становился все глуше, и наконец в один далеко не прекрасный момент он отчетливо услышал металлический треск... Читайте новый роман Анта Скаландиса – соавтора знаменитого Гарри Гаррисона!

© Скаландис А., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Благодарности	5
Предупреждение автора	6
Меч Тристана	7
Пролог первый,	7
Пролог второй,	12
Часть первая	16
Глава первая,	16
Глава вторая,	21
Глава третья,	38
Глава четвертая,	44
Глава пятая,	48
Глава шестая,	54
Глава седьмая,	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ант Скандис Меч Тристана

Благодарности

Завершив сей эпохальный труд и готовя его к печати, я вдруг почувствовал, что просто обязан выразить благодарность:

– западногерманскому кинорежиссеру Фюртенбергу, чей великолепный фильм «Огонь и меч», демонстрировавшийся во внеконкурсной программе Московского международного кинофестиваля 1983 года, впервые ввел меня в жуткий и прекрасный мир раннего средневековья, мир Тристана и Изольды;

– моей жене Ире – за активную помощь в выборе имен персонажей и придумывании отдельных сюжетных ходов и эпизодов;

– родителям моей жены и моим родителям – за прекрасные, десятилетиями собиравшиеся домашние библиотеки, без которых было бы просто невозможно работать над этим романом;

– Сергею Бережному – за правильную и своевременную подсказку, какую именно книгу нужно искать прежде всего;

– Сергею Иванову, Владимиру Гопману, Андрею Черткову, Николаю Александрову, Юлию Буркину, Андрею Измайлову, Вячеславу Рыбакову, Юрию Брайдеру, Николаю Чадовичу и многим другим моим друзьям по фэндому, которые так или иначе подтолкнули меня к возвращению в литературу – убедили, уговорили, поддержали, вдохновили своим примером, короче, наставили на путь истинный;

– журналистам «Вечерней Москвы», «Совершенно секретно» и некоторых других изданий – за страшную правду о Чеченской войне;

– всем читателям моих книг – за понимание, на которое я всегда надеюсь.

И ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ:

– Алле Подшиваловой и Амалии Павловне Найде за предоставленную мне специальную литературу.

Предуведомление автора

Автор считает своим долгом объяснить во избежание всех и всяческих нелепых вопросов, что произведение, которое вы, читатель, держите сейчас в руках, является таким же историческим, как, скажем, знаменитый роман Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» или не менее знаменитая повесть Джона Бойнтона Пристли «Тридцать первое июня». Условная привязка событий именно к десятому веку от Рождества Христова может считаться относительно случайной, а наличие в тексте явных анахронизмов проистекает не от небрежности, а, напротив, становится следствием отчаянных попыток как можно точнее описать результат сложного взаимопроникновения нескольких различных реальностей.

Все персонажи данного опуса вовсе не являются вымышленными, а, как раз наоборот, списаны с реально существовавших (точнее, существующих, ибо ни один человек никогда не умирал и не умирает на самом деле) исторических личностей, и дай-то Бог, если кто-то из читателей узнает себя среди героев этой книги.

Что же касается непосредственно имен действующих лиц, их написания и произношения, то это для автора вопрос отдельный и, можно сказать, болезненный. Ведь текст древней легенды о самом красивом в истории любовном треугольнике, а также о добром маге, управлявшем судьбами людей, не дошел до нас на языке оригинала. Больше того, никто не знает наверняка, каким именно был язык оригинала, так как по меньшей мере два века легенда существовала лишь в устной форме, а первые записи, сохранившиеся фрагментарно, появились примерно в одни и те же годы независимо друг от друга в Уэльсе, Корнуолле, Исландии, Норвегии, Франции, Германии, Ирландии и Шотландии.

На какой же язык ориентироваться при написании имен героев? Светская литературная традиция благодаря кургузным романам позднего средневековья донесла их до нас преимущественно во французской транскрипции. Автору показалось скучным и бессмысленным следовать этому канону. Ну, помилуйте, кто говорил по-старофранцузски в Ирландии или Корнуолле десятого века? Кроме пары-другой друидов и менестрелей – никто. Однако фонетика самих кельтских языков столь далека от привычного нам звучания русской речи, что буквальное соответствие тоже никого бы не порадовало. Посудите сами: можно ли написать романтическую и красивую историю, героями которой стали бы король Марух, рыцарь Дрестан, прекрасная белокурая принцесса Эссилт и ее очаровательная служанка Голуг Хавдид? А ведь именно так и звучали их имена на самом деле, то есть в жизни, а не в поэзии.

Одним словом, главных героев я решил оставить в покое, сохранив их имена в привычном для широкого читателя франко-германском виде, а вот к остальным персонажам вынужден был применить комплексный подход. И потому сразу хочу предупредить всех, кто искушен в истории средних веков, филологии и лингвистике: не обращайтесь на языковую эклектичность. При озвучании имен использовались как древнеирландские, древневаллийские и старонорвежские корни, так и специфические особенности некоторых других наречий, еще более дремучих или вообще современных. Причем во главу угла автор стремился поставить не вопросы языкознания (в отличие от классиков марксизма), а занимательность повествования и изящество слога. Насколько ему это удалось, судить вам, читатель.

Меч Тристана

Посвящается М.П.К.

*Сир, дабы ваше повеленье
Исполнить мне без промедленья,
Смахнул я пыль со старых глосс
И, оседлав очками нос,
Уткнулся в ветхого Тристана,
Стараясь точно, без обмана
Расшифровать, насколько мог,
Секрет вконец истертых строк.
И, протомившись дни и ночи,
Постиг и записал короче
Сей длинный путаный роман...*

Пьер Сала. «Тристан», начало XVI века

...Легенда о Тристане и Изольде привлекла не только остротой и неразрешимостью конфликта, не только «прирожденным ей элементом страдания», но и некоей «тайной», разгадать которую до конца никому не дано.

А. Д. Михайлов. «История легенды о Тристане и Изольде», 1975 год

Пролог первый, или рем-скель

С самого утра над Камелотом валил снег. И только к вечеру прояснело и приморозило.

При дворе Артура решено было в тот год не менее пышно, чем Троицу, отметить Рождество Христово, и не в Карлионе каком-нибудь, а в главной королевской резиденции. Почему так – никто не знал, и за огромным Круглым Столом в торжественной зале собрались, конечно, далеко не все рыцари. Пустовало на этот раз не только Гибельное Сиденье и четыре малопривлекательных места рядом с ним, пустовало еще десятка два кресел. А то и больше – кто ж их считал! Это было нормально для зимы. И несмотря на извечные декабрьские проблемы с дровами, несмотря на сквозняки, сырость, холод и связанные со всем этим простуды, настроение было уже вполне праздничное. Вот только, свято блюдя традиции, старик Артур и на Рождество не велел приступать к трапезе до начала какого-нибудь, пусть хоть самого захудалого, приключения. Особо голодные, конечно, уже начали втихаря под столом жевать хлебный мякиш, другие отходили в соседние помещения хлопнуть по кружечке пива в кулуарах, но большинство все-таки крепилось. Разумеется, срывалась молодежь, а именитые рыцари, верные данному однажды слову, мрачно сидели над остывающими кусками оленины и лебедятины и грустно приноживались к вину в кубках. Обстановка со всей очевидностью накалялась.

И тут, как водится, час радости настал. В лучших традициях этого дома прямо в залу на белоснежном коне в сопровождении белой же, но только в черный горошек собаки и могучего оруженосца, спешившегося на всякий случай до порога, въехал... рыцарь не рыцарь, а кто – и не скажешь сразу. По благородству лица и осанки – так вылитый король, а по одежде весьма бедной – музыкант бродячий или паломник. Оружия у этого человека не было, только маленькая лютия в руках, и исполнял он на ней с редким мастерством дивную, неземную мелодию.

Не переставая играть, удивительный гость спешил, кивком велел оруженосцу увести коня, а сам обратился к залу:

– Досточтимые сеньоры двора Артурова, с Рождеством вас Христовым. Я менестрель из Корнуолла, из самого Тинтайоля, и готов в честь праздника петь для вас.

– Музыка твоя хороша, пришелец, – похвалил вождь всех логов Артур. – Изволь. Послушаем тебя.

– Только недолго! – взмолился сэр Жиркотлет. – Уж очень кушать хочется.

Артур покосился на него сердито, но промолчал, а гость меж тем ударил по струнам и сильным, хорошо поставленным голосом исполнил на простом немецком языке арию Тристана из оперы Рихарда Вагнера. Должного впечатления на кельтских рыцарей классическая музыка не произвела, но поскольку название фрагмента было вначале объявлено, неподдельный интерес у многих вызвало само имя – Тристан.

– Скажи, менестрель, – спросил сэр Говен, – о ком ты пел? Уж не о том ли рыцаре, который, согласно пророчеству, прослужит у нас при дворе недолго, но славу обретет невиданную?

– О нем, сэр, – кивнул гость, – о Тристане Лотианском и Корнуольском.

– Так, может, знаком ты с ним, менестрель? – оживился сэр Хуайль. – Тогда расскажи нам, где он и почему до сих пор не сидит за этим столом?

– Расскажи, менестрель, расскажи, – поддержал одного из старейших рыцарей более молодой, но преуспевающий сэр Гарик Оркнейский.

И даже Жиркотлет согласился подождать еще немного с началом обеда. Только сэр Похерис устало махнул рукой и заметил как бы в сторону, но очень громко:

– Уж лучше бы пожрать сначала. Кто на голодный желудок длинные истории выслушивает? Еще неизвестно, что нам этот жонглер залетный тут приготовил. Помните, как прискакал однажды Зеленый Рыцарь, а сэр Говен при всем честном народе башку его крокодилью и отхватил. У кого после этакой гадости аппетит был хороший, признавайтесь?

Тут уж зашумели все: Бедуин Бородатый и Обломур, Агромен и Серыймур, Р. Эктор Краинный и Флягис. Только сэр Ланселот Озерный молчал, явно пряча глаза от гостя и, похоже, с трудом сдерживая смех. Мудрый король Артур перехватил этот странный взгляд своего когда-то лучшего рыцаря и обо всем догадался.

– Тихо, господа, тихо, ленники мои! Неужели вы еще не поняли? Перед вами не менестрель из Корнуолла, а сам знаменитый рыцарь – первый в Лотиане и Корнуолле. Добро пожаловать к нашему Круглому Столу, сэр Тристан. Выбирайте любое место, по вкусу. Впрочем, посмотрите внимательно, может, там где-нибудь ваше имя написано.

– Спасибо, мой король, – отвечал Тристан. – Я уже отсюда вижу.

И направился напрямиком к Гибельному Сиденью, которое долго никто занимать не хотел, а потом наконец нашелся один – юный сэр Голоход, сын Ланселота Озерного. Да только чуда не произошло по большому счету. Тогда сразу вслед за приплывшим по реке камнем с торчащим из него мечом сэра Балкина, который достался Голоходу по праву, появился в воздухе над Круглым Столом Священный Грааль. На том все удачи и закончились, а Голоход, естественно, очень скоро отошел в мир иной во цвете лет. Гибельное Сиденье ничего, кроме гибели, принести не могло. Поэтому теперь, когда сэр Голоход благополучно вернулся назад из мира иного, не было у него ровно никакого желания снова садиться на проклятое место, вот и пустовало оно.

Тристан же оказался парнем попроще и плюхнулся в кресло не раздумывая. Некоторые аж дыхание затаили, ожидая грома и молнии. Но ничего не случилось, даже свет факелов не попрутук, и народ начал потихонечку расслабляться. Зазвенели кубки, отовсюду послышалось громкое чавканье, подозвали дам, собак, слуг, в общем, началось настоящее рождественское пиршество. Ланселот не мудрствуя лукаво пересел поближе к Тристану, благо уже знаком был с ним, а с другой стороны подсел к корнуольскому рыцарю сам король Артур, мечтавший

все-таки услышать из первых уст печальную историю любви, разноречивые сплетни о которой давно ходили по всей Логрии.

И Тристан рассказал.

Крепко задумался король Артур, словно засомневался вдруг, уж не зря ли так поспешно включил он этого чудака тинтайольского в свою легендарную дружину. И так долго молчал стареющий вождь логров, что Тристан первым не выдержал.

– А вот скажите, – поинтересовался он. – Какой именно год от рождения Бога нашего Иисуса Христа отмечаем мы сегодня?

– Что? – встрепнулся Артур. – Какой год? Девятьсот пятидесятый, кажется. Ланселот, ты не помнишь, я правильно говорю?

– Девятьсот пятьдесят четвертый, мой король, – поправил Ланселот как бы извиняющимся тоном, потом отвернулся стыдливо и, достав из кармана носовой платок размером с банное полотенце, громко и жалобно высморкался.

– Я тоже терпеть не могу декабрь, – сочувственно произнес сидевший рядом Персиваль Уэльский и оглушительно чихнул.

– Будь здоров! – гнусаво пожелали ему в один голос вежливые сэры Ивейн и Увейн.

– Однако, господа, – удивился Тристан, – вы правите Логрией уже больше пятисот лет. Это действительно так или я что-то путаю?

– Это действительно так, – шепнул ему на ухо Ланселот и, мотнув головой влево, добавил: – Вот сэр Обломур Болотный не даст соврать. Правда, Обломур? Однако сам Артур может тебе ответить иначе. Он уже многого не помнит, да и настроение у старика какое-то неправильное сегодня. В общем, слушай и дели на восемь, Тристан.

Однако делить на восемь оказалось особо нечего. Артур произнес относительно короткую, но пламенную речь, постепенно захватившую внимание всего Круглого Стола. Собственно, он и говорил, поначалу тихонечко, ворчливо, едва ли не себе под нос, а затем, продолжая обращаться к Тристану, вещал уже на всю залу зычно, громогласно, торжественно.

– Эх, друг мой Тристан, да эта Логрия возникла так давно, что большинство из живущих уж и не помнят, как все было. А было все, доложу я тебе, удивительно нелепо. Власть свою я получил, как говорится, дуриком. Сначала неизвестно какой проходимец сочинил скверную шутку с мечом под наковальной и помпезной золотой надписью на мраморе: «Кто этот меч вытащит, тот и есть по рождению истинный король Логрии». Потом, когда стало ясно, что задачка никому не под силу, поставили к наковальне охрану – десять не самых плохих рыцарей. Вот затем и началась уже полная ерунда: в день Рождества Христова мой старший братец Куй отправился на турнир, а меч оставил дома. Это ж как надо было напиться накануне, чтобы на турнир без меча уехать! Помнишь, Куй Длинный? Что улыбаешься так хитро? Было это, было, с этого-то все и началось. Ну ладно, рыцарь забыл меч. Уже хорошо. Но дальше-то еще веселее было. Он отправил меня домой, как мальчонку за пивом, а я (от большого ума) забыл ключи, которыми входную дверь заперли, хотя прекрасно знал, что маманя тоже на турнире. Ну, просто какая-то вакханалия забывчивости! Однако апофеозом этого разгильдяйства стало возмутительное поведение десяти рыцарей, приставленных охранять таинственный меч под наковальной. Им, видите ли, надоело там скучать, и они слиняли всем гуртом, как дети с занудной проповеди во храме. Воины покинули пост! И никто об этом после не вспомнил. Не до них стало. Я же ведь по дороге из дома меч тот из-под наковальни и вытащил, причем с легкостью необычайной. Видно, эти десять обалдуев со скуки наковальню расшатывали время от времени, ну и расшатали совсем.

Вот так я и стал королем всей Логрии. А ты говоришь...

Вся наша пятисотлетняя история – сплошной абсурд. Как начали, так и продолжаем. Славные подвиги вперемежку с братоубийственными войнами. Поиски Священного Грааля, стремление к высотам духа – и тут же бессмысленное насилие, обжорство, пьянство. Защита

родины своей, завоевание земель язычников, куда несли мы свет Веры и Любви нашей, а рядом с этим – измены, предательства, коварные, подлые убийства детей и женщин, и – ничего святого в реальной жизни: сын шел на отца, отец на сына...

Боже! Был ли я справедливым и добрым королем? Да, я старался быть им, Бог не мог не заметить этого, потому и подарил мне и моим рыцарям такую долгую жизнь. Но сумел ли я, Боже, научиться управлять страной так, чтобы она не распадалась на части, чтобы жила в веках, ведомая и дальше наследниками моими, моими учениками? Сумел ли?

Да, для того, чтобы управлять, мало одного короля, пусть даже самого замечательного. Для этого нужны не менее мудрые подданные, и мне казалось, что у меня есть такие – сто и пятьдесят Рыцарей Круглого Стола, мои вассалы, мои ленники, мои верные друзья. Исполнительные, порядочные, справедливые, братья мои во Христе. Но кто из них, если честно, умел хоть что-то еще, кроме как драться за власть и выигрывать в битвах?! Кто?

Король Артур потерянно замолчал, и Ланселот решил вклиниться с ответной репликой:

– О мой король, позволь не согласиться с тобою. Позволь напомнить. Наученные горьким опытом междуусобиц, мы взялись однажды за ум и разделили наши обязанности. Вспомни, как поручил ты сэру Мархаусу и сэру Мордреду заняться кораблями и лодками нашими, а сэру Обломуру – осушением болот. У них неплохо получилось. Сэр Гарик, сэр Боржч и сэр Жиркотлет занимались проблемами питания, а сэр Агромен – вопросами всего сельского хозяйства в целом. Сэр Колл до сих пор успешно курирует лесозаготовки, сэр Пелинор отслеживает состояние здоровья подрастающей смены – наших маленьких детей, а сын его, сэр Торт, отлично организует праздники и пиршества. Р. Эктор отвечает за порядок в окраинных землях Логрии, Говен, понятное дело, за утилизацию отходов, Куй – за металлургию, Голоход – за текстильную промышленность, Мелиот – за хлебобулочную, Флягис – за виноделие, и уж не знаю, стоит ли произносить вслух, за что отвечают досточтимые сэры Персиваль и Хуайль. Так что, мой король, тебе осталось только решить, какую именно отрасль, какую область деятельности, какой участок работы, в конце концов, следует поручить достославному сэру Тристану, ибо роль его в истории Логрии весьма необычна. Мне кажется, уже все (или почти все) это поняли. Спасибо, мой король.

Ланселот сел и залпом осушил наполненный для него кубок вина.

Артур опять надолго задумался, и уже никто не осмеливался прервать его высочайшее королевское молчание.

– Сэр Тристан! – провозгласил наконец властитель Логрии. – Вы стали сегодня Рыцарем Круглого Стола. Вы сразу и бесстрашно заняли Гибельное Сиденье. Я поздравляю вас и назначаю при всех своим Первым и Главным Помощником по Связям с Иными Мирами. А уж вы понимайте это как умеете. И исполняйте. Все. Теперь каждый может пить и есть, сколько ему хочется, во славу Господа нашего. А о подвигах забудьте до поры, братья мои.

И Артур вернулся к покинутому месту возле жены своей – нестареющей красавицы Гвиневры, а Тристан очень скоро покинул шумное собрание и вышел из замка на свежий морозный воздух. У входа, выделяясь мрачным силуэтом на фоне заснеженного двора, стоял человек. Это был не стражник – это был старик с длинной серебряной бородой и яркими зелеными глазами, лукаво блеснувшими в лунном свете.

– Ба! А вы-то что здесь делаете? – удивился Тристан.

– Тебя жду, – ответил старик. – Они же все думают, что я давно умер. То есть ушел от них спать в какую-то пещеру в холме. Такие чудные люди! Считают почему-то, что им самим можно из мира в мир нырять с легкостью птиц небесных, а мне, стало быть, надлежит где-то дрыхнуть, пока час не пробьет. Что ж, скоро они поймут, что час этот уже пробил. Но только не сегодня. На сегодня им хватит тебя.

– Да, но...

– Не говори сейчас ничего, Тристан, меня послушай. Король Артур очень многое понял о тебе, гораздо больше понял, чем я ожидал. Но об одном он еще не догадывается. Ты не просто один из лучших рыцарей Логрии. Ты – Тристан Исключительный.

– Ну и что? – спросил Тристан.

– Ничего. Иди теперь. В иные земли, в иные миры. Отныне дано тебе право нести людям слово Божье и вершить над ними суд и даже казни.

– А мне это надо? – очень просто спросил Тристан.

И старик улыбнулся ему в ответ:

– Скорее всего – нет, но право такое ты заслужил. Иди, Тристан.

И Тристан пошел через двор к воротам, где стоял его конь, и его оруженосец, и его собака, давно наевшаяся возле праздничного стола и выбежавшая теперь на прогулку. А свежий снег искрился и скрипел под тяжелыми сапогами, ночь была ясной, морозной, очень тихой, и когда Тристан остановился, подняв лицо вверх, ему стало слышно, как маленькие зеленые звездочки падают с неба и шипят в пушистых сугробах.

Пролог второй, или прим-скель

– Маш, а, Маш, – раздался за дверью уже надоевший голос.

Это был дядя Гоша, сосед по коммуналке, который вечно стрелял сигареты, спички, соль, кусочек хлеба до завтра и вообще все на свете. Она даже не откликнулась поначалу, уж очень увлеклась книгой.

Только сегодня Маше Изотовой принесли этот затрепанный фолиант, его удалось выцепить по межбиблиотечному абонементу на дом – редкий сборник литературоведческих работ с тяжеловесным, полным пафоса названием: «ТРИСТАН И ИСОЛЬДА. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии». Труды Института языка и мышления. Под редакцией самого академика Марра! Издательство АН СССР, аж 1932 год. Жутко интересно! Она сразу пролистала содержание, прочла вступительный текст и принялась за внимательное изучение самой первой статьи – А.А.Смирнова – о кельтских источниках легенды.

Этажом ниже, занимая две четырехкомнатные квартиры, в стене между которыми прорублена была дверь, обретался владелец коммерческого банка, классический «новый русский» с совершенно карикатурным сочетанием имени, отчества и фамилии – Зигфрид Израилевич Абдуллаев. Родом он был, как говорили, с Северного Кавказа, но подтвердить или опровергнуть подобные слухи оказалось не по зубам не только милиции, но и «компетентным органам», куда Абдуллаев был также неоднократно вызываем по причине наличия слишком многих паспортов и прочих взаимоисключающих документов. Однако визиты банкира на Лубянку полностью прекратились после предъявления там абсолютно настоящего удостоверения начальника одного из гэбэшных главков на имя Абдуллаева З.И. Характерно, что имя свое Зигфрид нежно любил и во всех документах повторял с настойчивым постоянством. Попытка проверить подлинность и выяснить происхождение невероятной ксивы натолкнулась на звонок в следственное управление ФСБ откуда-то очень сверху: мол, все в порядке, ребята. И Абдуллаева оставили в покое.

А жил Абдулла, он же Зига, он же Конопатый, конопат он был, кстати, не от оспы, а от очень милых рыжих веснушек, – так вот, жил наш герой на широкую ногу. В роскошной квартире едва ли не ежедневно устраивались приемы с танцами, девочками, битьем посуды, а иногда и со стрельбой. Переулок и двор постоянно наводняли умопомрачительные джипы и лимузины, сверкавшие чистотой в любое время года, а по углам зачастую дежурили бритоголовые плечистые молодчики в дорогих костюмах от Кардена и с маленькими сотовыми трубочками в руках. Соседи и сверху, и снизу, и сбоку давно притерпелись как к машинам, так и к бесконечному шуму. А кто не притерпелся – съехал, ведь поменять квартиру в старом престижном доме в центре Москвы проблемы не составляло.

Маша, весьма дорожившая своей уютной комнаткой в тихом переулке, ехать никуда не собиралась и за два года вполне научилась работать под ритмичное сотрясение полов от могучего музыкального центра, а также крики и визги, доносившиеся порою через окно. Однокомнатная квартира на окраине, принадлежавшая фактически тоже ей, вот уже третий год сдавалась, и на эти деньги Маша жила, так как на преподавательскую зарплату, тем более выдаваемую не слишком регулярно, можно было едва-едва купить молока и хлеба, а на работу пришлось бы уже ходить пешком. В общем, университет, где Маша читала лекции по зарубежной литературе, нужен ей был практически лишь для общения – с людьми и книгами. Сотрудники кафедры, да и студенты, безусловно, помогали ей в работе над диссертацией. Но на самом-то деле все, что она писала, называлось диссертацией так, в силу привычки. Защита, звание кан-

дидата, даже новая должность – вся эта по нынешним временам никому не нужная чепуха не прельщала и Машу. Она писала для себя, ее интересовало научное исследование как таковое.

Однажды, наткнувшись на странные аналогии в древних британских и скандинавских текстах, Маша почувствовала некую тайну, некую загадку, которую все литературоведы и историки в течение многих веков словно бы не замечали или, откровенно испугавшись, делали вид, что не замечают, и обходили стороной. Машу заело. Она решила докопаться, вполне отдавая себе отчет в том, что труд предстоит титанический и на завершение его может не хватить всей жизни. Ну и что? Все равно пока ей ни с кем не хотелось делиться своими идеями. Пока. Вот потом, когда возникнет необходимость ехать в Англию, Ирландию, Норвегию – тогда придется, ей одной этого просто по деньгам не потянуть. А сегодня еще очень многое можно найти здесь, в Москве и Питере, и это многое следовало перелопатить. Она и работала как вол. А чем еще ей было заниматься? Ведь личная жизнь не удалась.

Родителей потеряла рано. Чуть позже умерла и бабушка, у которой она жила в коммуналке: и к университету ближе, и помогала старой больной женщине. Так Маша в двадцать лет осталась совсем одна. Тоска. Но какая может быть тоска в этом возрасте? Молодые же все, и демократия в стране молодая. Денег нет – черт с ними! Зато говорить, смотреть, писать, читать можно все что угодно, ну, почти все! Здорово-то как: споры о вечном, вино, любовь, надежды... Меж тем традиционно студенческий загульный образ жизни был не в Машинем вкусе, пьяные сборища на ее территории начали утомлять, семейный уют как-то больше импортировал, вот и выскочила замуж, не долго думая. Даже в отдельную квартиру переехали. Было хорошо. Но недолго.

Муж-однокурсник поступил с ней подло. Сначала заставил сделать аборт («Ты что, сдурела, мать, надо хоть универ закончить, на ноги встать, какой, на хрен, ребенок?!»). А потом, когда после жутко неудачной операции – ну бывает такое, все под Богом ходим! – оказалось, что у нее, вероятнее всего, уже никогда не будет детей, юный супруг Володя заявил буквально следующее: «Ты, конечно, красивая и умная баба, но зачем мне, извини, бесплодная жена?» Дело было, разумеется, в другом: Володя уже увлекся к тому времени другой красивой и умной бабой, а Машу он, собственно, никогда и не любил. Какая уж там любовь – так, полудетские сексуальные игры, закончившиеся по неопытности браком.

Всех следующих своих мужчин Маша рассматривала не более как партнеров для поддержания общего здоровья. Она была теперь очень строга в выборе, очень осторожна в поведении и никогда не говорила о женитьбе. Цинизм становился нормой жизни. Ждала ли она своего принца? Да, в глубине души, на потаенном, почти инстинктивном уровне. Так его ждет, наверное, любая женщина, но сознательно Маша уже никого не ждала и никого не искала. Может, поэтому он и появился. Принц. Иван.

Это была такая красивая, головокружительная, фантастическая любовь, что Маша думала о ней, как правило, на древнеирландском или старофранцузском, она это умела, а думать по-русски о любви казалось странным, потому что подобные чувства никак не вписывались в современную российскую действительность, где правила бал крутая братва во главе с Зигой Абдуллаевым. Как это было символично – переделать Зигфрида в Зигу! Маша мечтала жить в мире Зигфридов, а не Зиг. Она и жила в нем, уже давно, жила, по-страусиному прячась за стенами своей уютной норки.

И вот пришел Иван, пришел из внешнего, чужого и страшного мира, к тому же он оказался представителем организации, казавшейся Маше средоточием всех зловещих сил, организации, имя которой КГБ. Но он пришел и стал своим, и примирил ее с внешним миром, и подарил счастье. Вот только основным свойством счастья во все века была мимолетность. Иван уехал в командировку, а оказалось – на фронт. Были письма. Потом перестали приходить. И она уже начала понимать почему, но только не хотела об этом думать и все глубже, глубже уходила в свой любимый, давно ушедший, но лично ею выстроенный заново древний

красивый мир – мир скандинавских саг, поэзии скальдов и куртуазных французских романов, и этот мир был реальнее, чем душный непроходимый кошмар за окном, из которого, кажется, ушла теперь ее последняя надежда...

В тот вечер в квартире внизу было подозрительно спокойно, и непривычная тишина даже мешала работать. Маша уже положила рядом с собой чистый лист бумаги, но никак не могла сосредоточиться, чтобы начать конспектировать статью. Оригинальное в ней как-то слишком уж тесно переплеталось с общеизвестным. «С чего начать?» – мучилась Маша. А тут еще этот назойливый голос из коридора. Странная манера – никогда он не стучит, а сразу начинает канючить, скулит, как щенок под дверью:

– Маш, а, Маш!

Она поднялась и открыла ему.

– Ну что тебе, дядя Гош?

– Сигареткой не угостишь?

– Бери, но только одну. Видишь, всего четыре осталось, а мне еще работать всю ночь.

Маша протянула ему действительно почти пустую пачку «Соверена». Она кривила душой. Был, был, конечно, неприкосновенный запас, но не угощать же этого люмпена аристократическими тонюсенькими палочками «Вог». Маша очень любила эти игрушечные сигаретки: вроде и смолишь одну за одной, а голова не болит. «Соверен» она тоже любила. Во-первых, за относительную дешевизну. Во-вторых, это были не «Мальборо» и не «Кент», которые в силу их несоразмерной популярности давно делались черт знает на каких подпольных фабриках, а вовсе не привозились из Америки. «Соверен» был настоящий, английский, его пока не подделывали. А в-третьих, подсознательно, должно быть, она выбрала эту марку за эффектное название и строгую красивую картинку – на средневековой золотой монете изображен был рыцарь, убивающий дракона.

– Ой, спасибо, Машунь! – раскланялся дядя Гоша и отвалил.

И Маша вдруг вспомнила, что сама даже забыла про сигареты – так спешила познакомиться с книжкой.

Села к столу, чиркнула зажигалкой, с удовольствием вдохнула дым.

«Так, на чем я там тормознулась? Ага, на цитате из ирландской саги «Изгнание сыновей Уснеха». Филологи хреновы! Вечно они ирландские скели сагами называют по аналогии с исландскими. Ну как без слова *scel* ввести понятия *grim-scel*, то есть «основное сказание», и *gem-scel*, то есть «сказание предварительное»?.. Ну ладно. Что ей там не понравилось? Неточность перевода в очень важных словах гейса, своего рода табу или магического заклятия: «Позор и насмешка на твои уши, если не уведешь меня с собой!» «Позор и насмешка» сказано удивительно нелепо, по-русски куда как более складно и поэтично звучит традиционное «стыд и срам».

Маша поднялась, сняла с полочки чудесное лейпцигское издание прошлого века – «Ирландские тексты» с комментариями Виндиша, можно сказать, жемчужину своей коллекции, и отыскала нужное место. Убедилась в собственной правоте, а потом просто увлеклась – скель-то был коротенький – и дочитала до конца.

Магия древних текстов поистине удивительна. Читая, Маша всегда начинала чувствовать себя участницей действия. Сейчас она была прекрасной девушкой Дейдрре, загадочно рожденной дочерью Федельмида, ясноглазой, с белокурыми кудрями и пурпурными щечками. «Зубы белы, как снег, губы красны, как кровь...» А имя-то какое! Для не знающих ирландского, конечно, странноватое имечко, и произнести-то нелегко, а вот для знающих – это же «нежная, хрупкая, трепетная». А каким неподдельным, сурово-простым и леденящим ужасом веет от заключительных строчек скеля: «В тот момент проезжали они мимо огромной скалы. Бросилась на нее Дейдрре вниз головою. Голова ударилась о камень и разбилась. И она умерла.

Вот вам повесть об изгнании сыновей Уснеха, и об изгнании Фергуса, и о смерти Найси, сына Уснеха, и о смерти Дейдре, дочери Федельмида».

– ...И она умерла, – повторила вдруг Маша вслух.

И за секунду до того, что произошло после, с помощью какого-то фантастического прозрения она увидела, как древний кошмар выплескивается с пожелтевших страниц прямо к ней в комнату. Она посмотрела в лицо смерти, прежде чем та вошла к ней сквозь разломившийся с адским грохотом пол...

И лицо у смерти было весьма симпатичное – мужественное, можно сказать, эталонно-мужское, смуглое, обветренное, доброе, чуточку грустное и с потрясающе чистыми, глубокими изумрудными ирландскими глазами...

Когда представители ГУОП, МЧС, ФСБ и еще бог весть каких спецслужб, понаехавших на место экстраординарного события, – а для центра Москвы это был невиданный по силе взрыв – опрашивали свидетелей, чудом уцелевший дядя Гоша клялся и божился, что гражданка Изотова Мария Петровна находилась в своей комнате за пять минут до теракта. Однако тела ее, ну хотя бы фрагментов тела, на месте происшествия так и не было найдено. Впрочем, абдуллаевских останков тоже не обнаружили, но от него хотя бы запонки нашли и пуговицы, опять же Зигфрид был не один, так что ошметки жареной человечины все перемешались. И вообще искать человека, у которого, по одной из гипотез следствия, десять килограммов тротилового эквивалента разорвалось прямо в руках, никому не представлялось интересным. А вот гражданка Изотова сидела этажом выше, и от нее непременно должно было хоть что-то остаться. Однако же и Машу милиция разыскивать не собиралась – внесли в список жертв и успокоились. До нее ли было!

Часть первая

Повесть о разом вспыхнувшей любви, об одержимости этой любовью, о смерти в один и тот же миг. Что ж, и тема эта, да и сюжет – вечны. И встречались мы с ними в литературе не раз. Любовь с первого взгляда... Она может вспыхнуть и в школе... Она, любовь, может вспыхнуть и на корабле, идущем по Ирландскому морю. И даже в кривом, скучном переулке, на который поворачивают с Тверской.
Академик Николай Иосифович Конрад. «Запад и Восток»

Глава первая,

по ходу которой один из трех величайших рыцарей острова Британии, Покоритель Врагов Тристан, сын Рыбалиня, вступает в единоборство с самым могучим воином острова Ирландии – Моральтом, однако поначалу герой наш никак не может понять, зачем же он вообще это делает

– Приступим? – спросил Моральт.

Тристан оглядывался на свою лодку, и ему очень не нравилось, что ветер прибывает ее обратно к берегу. Ведь он так эффектно отпихнул ногою челнок, спрыгивая на скалы! А Моральт проследил небрежно за направлением его взгляда и, кажется, истолковал по-своему растерянность молодого рыцаря.

– Приступим? – повторил он.

Тристану показалось, что он сейчас добавит: «Терпеть не могу трусов».

Но Моральт сдержался, и Тристан ответил ему:

– О достойнейший, может, мы все-таки отойдем чуть подальше в глубь острова? Так будет правильнее.

Ни одной ладьи не было видно в море, тонкая полоска далекого берега терялась в тумане у горизонта, а в другую сторону простирались темные скалы пустынного острова Святого Самсунга, каковым скалам надлежало теперь полностью скрыть соперников от чьих угодно посторонних глаз. Не было тут никаких глаз, не было, но... порядок есть порядок.

Моральт хмыкнул, недвусмысленно давая понять, что разгадал уловку Тристана, и двинулся, не оглядываясь, вверх по нагромождениям серых камней. Потом посмотрел на небо и проворчал, не слишком рассчитывая быть услышанным:

– А ты, юнец, должно быть, любишь сражаться под дождем. Уж не в этом ли заключается твоя главная хитрость?

Моральт хохотнул, и Тристан крикнул ему вдогонку:

– Нет, достойнейший, мне абсолютно все равно, при какой погоде сразиться с тобой!

Однако Тристан действительно тянул время. Но ждал он не дождя, а наступления сумерек, неожиданно ранних от низкой облачности. Если продержится до темноты, ему не будет равных, он знал это. Когда-то ему даже дали кличку – Котяра – за уникальное зрение. Когда-то.

Очень-очень давно.

Теперь приходилось рассчитывать на вновь полученные умения да еще на заговоренный меч. Не очень-то верил Тристан во все эти штучки. Но что-то такое с его мечом делали. Белобородые почтенные старики в темных длинных плащах колдовали, помнится, над его клинком, бормотали диковинные слова, брызгали чем-то, цветные дымки через трубочку пускали

– и все это на полном серьезе. Так что исключить наличие волшебных свойств у своего древнего оружия он не мог. Меч был действительно заслуженный, по преданию, дрался им когда-то сам король Пендрагон, а уж то, что именно этим клинком Тристан гнал из Лотиана герцога Мурлона Злонравного, сомнений не вызывало никаких – события удержались в памяти относительно неплохо. Хм, в памяти...

«Не отвлекайся, Котьяра, – сказал себе Тристан. – Ведь если у них тут колдовские чары действуют без дураков, то и у Моральта клинок не простой – это тебе должно быть хорошо известно».

Уже четверых доблестных рыцарей Корнуолла обезглавил этот ирландский громила, а ведь они были на добрых три ладони выше Тристана, да и в плечах пошире.

«Черт, ну совсем не моя весовая категория», – думал Тристан.

Он пробовал молиться, но невольно срывался в мыслях на ругань, чередуя все известные ему языки, а знал он их немало. Он еще выдаст вслух эту тираду, когда сойдется с Моральтом нос к носу, и Моральт, знающий дай Бог три наречия, кроме родного ирландского, обалдеет от завораживающей музыки чужой речи, но это будет после, после, а пока...

Темнело медленно, ветер крепчал. Уж не забросило ли лодку Тристана на скалы? А впрочем, и хорошо. Особенно если лодка разобьется. Он ведь не должен возвращаться на ней ни в каком случае. И разбившаяся лодка – это перст Божий, Тристан отправится назад под алым ирландским парусом.

«Двое живых приплыли сюда, но лишь один живой покинет этот остров!» Какие искусственные слова! Неужели он сам произнес их в ответ на оскорбление Моральта? Впрочем, на древнеирландском прозвучала фраза не только эффектно, но и вполне обыденно, зато теперь, когда он мысленно перевел ее...

Или порывы норд-оста кажутся злее лишь потому, что они поднялись на открытое ровное пространство? Наверное, красиво смотрятся сейчас со стороны два мрачных рыцаря в посверкивающих доспехах. Как на сцене, как на арене цирка. Где же вы, зрители? Тристан знал, что зрители есть, точнее, будут, точнее, он чувствовал это, точнее... Да ничего тут невозможно было объяснить, не то чтобы точнее, а вообще элементарно внятным образом. Зрители-то были потусторонними, но именно поэтому он и не смел обмануть их ожиданий.

Моральт остановился шагах в тридцати от Тристана, вынул из ножен меч, поднял его, осенив весь остров крестным знаменем, приложил клинок к шлему и чуть заметно поклонился в сторону противника. Юный рыцарь повторил все эти ритуальные движения и добавил к ним некоторые свои, малопонятные Моральту и явно озадачившие его. Впрочем, Моральт был не из тех, кого можно надолго озадачить.

Ирландский гигант переложил меч в левую руку, в правую взял коротенькое копьё и пошел на Тристана, медленно, но заметно наращивая скорость.

Пора было сходиться. Не предвелять же поединок позорным бегством! В общепринятом здесь понимании любое, даже самое хитрое отступление – это бегство. Оставим хитрости на потом, они у него всегда в запасе, а начинать надо с более примитивных вещей. Вперед!

В какой-то момент Тристану показалось, что Моральт будет наращивать и наращивать скорость, и уже не сможет остановиться, не сможет даже повернуть, как носорог, и, значит, надо только удачно выбрать позицию и заставить врага врезаться в скалу, чтобы он сам, сам разбился в лепешку!..

Но нет, Моральт оказался действительно опытным бойцом: он знал, что такое искусство уворачиваться и что такое искусство настигать, тяжелый, он был еще и ловок. Поэтому неистовый танец Тристана, тычущего копьём в пустоту, напоминал не столько пируэты охотника на носорогов, сколько отчаянные вероники начинающего торреро, оказавшегося один на один с самым свирепым и хитрым быком.

Они поймали друг друга одновременно, оба копья хрустнули о доспехи, как сухие тонкие веточки, однако Моральт устоял, а Тристан от удара рухнул. Чудовищной силы был удар, и, с грохотом прокатившись по камням, молодой рыцарь ощутил резкую боль под ребром. Уж не перелом ли? Вскочил как ошпаренный. (Привычка – вторая натура.) Однако Моральт в рыцарском своем благородстве не напал на лежачего. Выжидал.

А может, он просто смеялся над щенком, не считал для себя возможным торопить схватку, растягивал удовольствие? Да нет, не такой он дурак! По первому раунду должен был почувствовать, что в мастерстве Тристан не уступит, массы ему не хватает, да, но это еще не весь успех.

– Тебе пока не поздно сдаться, безумец, моя ладья увезет нас обоих, – пробасил Моральт самодовольным тоном.

– Поздно, Моральт Ирландский, поздно, – тихо произнес Тристан, первый раз не назвав его достойнейшим. – Слишком поздно. Скрестим же наши мечи!

– Скрестим, безумец!

Наверное, он и вправду был безумцем. Удары сыпались градом, да какие удары! Тристан успевал подставлять меч, но, во-первых, с каждым разом жесткость возводимых блоков падала, все-таки мышцы не железные, а во-вторых, каким-то шестым чувством ощутил он слабину своего клинка: искры сыпались на мокрые камни, звон становился все глуше, и наконец в один далеко не прекрасный момент он отчетливо услышал металлический треск, не скрежет, как полагается, а именно треск. Оказалось ли ирландское колдовство сильнее корнуольского, думать было некогда. Ясно одно: законы физики действовали и в этом мире вполне исправно, и тело с большей скоростью движения имело больше шансов сохранить свою внутреннюю структуру. Это в равной мере касалось как мечей, так и их собственных кровью наполненных кожаных мешков с костями.

Зловещий треск окончательно выбил Тристана из колеи, он стал пропускать удары. Уже не по шлему из вороненой стали и не по панцирю, а по незащищенным участкам тела: предплечье... голень... плечо... поясница... бедро... Бедро! Вот с бедром было хуже всего. Острие клинка вонзилось особенно глубоко, боль показалась особенно жгучей, и уродина Моральт захохотал как-то особенно злобно:

– Тебе конец, Тристан! Меч мой смазан был специальной мазью, и раны от него не заживают. Я предупреждал тебя, безумец!

«Предупреждал?! Спасибо. Вот только умирать-то мне нельзя, никак нельзя...»

Тристан, конечно, не оставался в долгу: по рукам Моральта тоже струилась кровь, да и левую ногу он приволакивал, и все же силы гиганта были явно превосходящими.

Теперь у молодого и легкого рыцаря остался только один шанс: совершить то, чего противник не ждет, к чему он не готов ни при каком раскладе. Только бы еще хватило здоровья на такой трюк.

Тристан в очередной раз увернулся, отступил, примерился и, вложив все оставшиеся силы в этот удар, выбил ногой меч из руки Моральта. Хруст раздался знатный – очевидно, он сломал врагу кисть. Исполин взревел от боли, и в тот момент, когда Тристан, не хуже ирландца обученный благородству, уже отбрасывал в сторону свой клинок, обиженный громила, очевидно, посчитавший, что правила ведения боя нарушены теперь раз и навсегда (а может, он просто хотел жить?) – в общем, Моральт неожиданно подхватил оружие здоровой левой рукой и замахнулся. Но Тристан еще раз удивил опытного врага. Увернувшись от резкого выпада, он отскочил и сбросил с себя сначала шлем, а затем и нагрудный панцирь.

– Ты решил сдаться?! – взревел Моральт. – Вот именно теперь ты решил сдаться?!

И снимая шлем в благородном встречном порыве, ирландец добавил как-то обессиленно и печально:

– Все равно я убью тебя.

На то, чтобы бросить меч, благородства его не хватило, да и не принято вроде было у них устраивать кулачные бои, не владели они этим в должной мере.

Ладно. Пора.

Первое – забыть про боль. Второе – сконцентрировать энергию. Третье – поймать противника на обманном ударе. Все это он напоминал себе, автоматически выполняя заученные давно и навсегда классические ката косики карате. Движения Тристана гипнотизировали ирландца, он следил за ними как замороженный. Левая рука судорожно сжимала рукоятку меча, а походка становилась все более неуклюжей. Моральт тоже выбирал момент.

Пора. С диким воплем на всех языках сразу – от родного рубленого матюгона до витиеватых чеченских проклятий – Тристан, освободившись от тяжелых доспехов и неподъемного меча, последовательно исполнил все необходимые движения, отмечая при этом уже полнейшую растерянность врага, и наконец птицей взлетел вперед и вверх, выворачивая правую ступню, в которую направил все, абсолютно все силы, еще остававшиеся в измученном организме.

Чудовищный хруст стал ему наградой, а острейшая боль в пятке – скромной расплатой за нее, и, падая на четыре точки, ловя краем глаза медленно обрушивающуюся фигуру колосса, понимая, да, понимая, что выиграл, и расслабляясь, он все-таки потерял сознание и распластался под крупными тяжелыми каплями начинающегося дождя.

Было совсем темно, и дождь перестал, когда он очнулся. Моральта, уже остывающего, Тристан нашел на ощупь. Нашарил голову гиганта – она была вся липкая от крови. Что он искал? Зачем? В чем хотел убедиться? Ага. Череп все-таки треснул. Швы разошлись. Забавно. Хорошее слово «забавно» в таком контексте. Еще забавнее, что думает он по-русски и постоянно вертится в голове идиотская фраза: «Моральт сей басни такова». В чем же заключается моральт этой басни, придумать он не сумел, но имя побежденного рыцаря тоже забавляло. Должно быть, славился человек своими высокими моральными качествами, за что и назвали его так красиво...

Безумно хотелось спать, и Тристан заснул.

Розовый холодный рассвет разбудил его. И горячие пульсирующие раны. Особенно распухло бедро. Промыть морской водой? Бред. Да и вообще теперь уже поздно. Или нет? Он пополз к воде, наткнулся на свой меч, взял его в руку и внезапно ощутил прилив сил. Поднялся, поглядел на гигантский, ну прямо лошадиных размеров труп поверженного противника, призадумался и внимательно осмотрел свой меч. Что же там хрустнуло вчера? Ага. Вот оно. Кусочек сломавшегося, очевидно, о шлем лезвия держался на тоненькой перемычке. Тристан отломил его пальцами и бережно понес к лежащему недвижно Моральту.

– Это мой подарок тебе, Моральт Ирландский, – сказал он вслух. – Нет, даже не так: это наша дань. Кроме вот такого маленького кусочка стали, Корнуолл ничего больше Ирландии не должен.

И Тристан втиснул осколок меча в запекшуюся трещину на голове Моральта. Потом подумал, поднял сверкающий в рассветных лучах шлем врага, уложил на плоский камень и со всего размаху ударил мечом. Получилось. Пополам железяка не развалилась, но аккуратно посередине лопнула. Все-таки неплохую сталь отливали британцы, нехилые клинки выковывали корнуольские оружейники. Красиво получилось. Пусть теперь думают, что это он о чугунную голову Моральта свой меч сломал. А ведь подумают, обязательно подумают. Чудаки они необразованные.

Так и рождаются легенды.

Потом Тристан подошел к привязанной канатом ладье Моральта, нашел в ней кувшин с кисловатым пивом, полкруга сыра и краюху хлеба. Так себе завтрак, конечно, но все равно хорошо. Присел на камень. Вдалеке из воды вылезало огромное густо-красное солнце, такое

же красное, как торжественно надувшийся парус на ладье Моральта. Своей лодки Тристан нигде не увидел. Значит, все-таки унесло в море. Сейчас вода была тихой, ветер дул со средней силой, ровно и очень удачно – в сторону большой земли. Следовало поторопиться. Вот только тушу эту надо забрать. Не должно оставлять труп достойнейшего из ирландских рыцарей на пустынном острове.

Около часа провозился Тристан с нелегким делом, а потом тронулся в путь. Пока ворочал и укладывал мертвого, нашел на дне ладьи еще один мешок с провиантом. И было там вино, и яблоки, и солонина. Но лекарств никаких не было. Почему? Неужели Моральт рассчитывал победить так легко, что даже к ранениям не готовился?

Впрочем, бедро Тристан себе перевязал, разорвав на лоскуты относительно чистую рубашку, а остальные раны рубцевались потихонечку сами, овеваемые легким морским бризом. Лодка шла хорошо, уверенно, берег приближался, солнце начало пригревать, и боль отступала. Возможно, под влиянием вина. Напиток этот оказывал и еще одно удивительное действие – будил воспоминания. После первого же глотка Тристан подробно, в ярких, выпуклых образах восстановил в памяти минувший день.

Просторная зала с высокими стрельчатыми окнами, расшитые золотом парчовые кафтаны баронов, их потные от страха лица, печальные глаза короля Марка и самодовольный Моральт, стоящий в центре всеобщего внимания, расхорохорившийся, откровенно потешающийся надо всем Корнуоллом.

– Я пришел к тебе с тем, король Марк, чтобы забрать всю дань, которую ты должен моему повелителю королю Гормону. А ты давно должен, Марк, и за то, что тянул так долго, ты отдашь нам еще тридцать юношей и тридцать девушек шестнадцати лет от роду и знатного происхождения. Отбери их сам, только хромых, увечных да убогих не предлагай, не возьму.

Моральт улыбался, Моральт упивался собою.

– Корабль мой стоит в пристани Тинтайоля, тебе известно это, и чем быстрее ты доставишь туда своих красавиц и красавцев, которые станут нашими рабами, тем добрее мы отнесемся к ним, да и к тебе, король Марк, когда приедем через год за следующей данью.

Да! – словно спохватился Моральт, буквально хрюкнув от смеха. – Я чуть не забыл спросить. Может, кто-то из твоих баронов – тебе нельзя, сам понимаешь, не положено – может быть, кто-то из них наконец готов доказать единоборством, что повелитель мой Гормон взимает эту дань не по праву. Кто из вас, господа корнуолльцы, желает сразиться со мною за свободу своей страны? Никто? Опять никто?! Фу, скукота-то какая!

Мертвая тишина повисла в зале.

И Моральт спросил второй раз и рассказал, где и как будет проходить поединок, если он все-таки найдет согласного. Он-то знал, что не найдет, он просто играл с ними, как кот с мышками, он был действительно огромен и страшен, как большой пушистый сибирский котяра среди мышей, и действительно уже четверым снес ранее головы, и те четверо, быть может, надеялись на чудо, а быть может, просто не хотели жить после таких оскорблений.

Сегодня Моральт ждал новой жертвы, но втайне надеялся на капитуляцию и всеобщий позор. Второй вариант явно привлекал его больше. Возможно, немолодой уже вассал ирландского короля устал рубить головы благородным рыцарям Корнуолла, но скорее всего ему просто нравилось быть самым сильным, признанно сильным, и куражиться, куражиться так из года в год. Однако ритуал требовал задать вопрос в третий раз, и он задал его, задал особенно ядовито и гадко:

– Выходит, доблестные бароны Корнуолла, себя вы любите сильнее, чем своих детей? Тогда бросайте жребий, кому из вас расставаться с сыновьями и дочерьми. Вы готовы? Я правильно понял: этот славный с виду край населен одними лишь рабами?

И вот тогда в голове Тристана застучало вдруг на почти забытом языке: «Мы – не рабы, рабы – не мы». Азбука свободы. Да, да, еще вчера он почти ни слова не помнил по-русски. Да и зачем? Этот язык был здесь мертвым. Но теперь удивительные звуко сочетания, всплывшие из немислимых глубин памяти, разбудили его совесть, его достоинство, его скрытую силу. Азбука свободы.

Тристан вскинул глаза на Моральта и узнал его.

Да, да, вот этот самый бородатый громила однажды уже называл его рабом и заставлял целовать сапоги, правда, на плече у него был «стингер», а вокруг стояли другие моджахеды с автоматами и в камуфляжке, и шансов тогда не было никаких, но он не признал себя рабом, даже тогда не признал, и его долго били ногами. А спасло... спасло чудо.

Зала поплыла перед глазами Тристана, и он понял: снова настала пора доказывать, что он не раб, и это важнее всего на свете, а умирать легко – он знает, только не хочет он и не будет умирать. Победить нельзя, смешно еще раз надеяться на чудо, но драться надо. Просто надо драться – и все. Почему же другие не понимают этого?

Тристан сделал два шага вперед, припал на одно колено и обратился к Марку:

– О мой король, если только ты позволишь мне, я готов защитить честь нашей земли и свободу этих юношей и девушек!

Король молча склонил голову.

Невероятной силы вздох прокатился по зале, словно зевнул левиафан, поднявшийся из морской пучины. И сколько же недоумения, восторга и облегчения (главное – облегчения) прозвучало в этом нестройном гуле. Кого он больше ненавидел тогда – Моральта или корнуольских баронов? Он не смог бы ответить. Но вот собой в тот миг Тристан залюбовался. И чтобы получить максимум удовольствия, подошел к Моральту вплотную, снял тяжелую перчатку со своей левой руки и наотмашь при всем народе хлестнул ирландского хама по лицу. Ради таких секунд не жалко и умереть.

Там, в Чечне, у него не было подобной возможности: за одну лишь попытку дать пощечину полевому командиру духи изрешетили бы его очередями.

– Я принимаю вызов! – прокричал Тристан.

А мудрейший король Марк, прочитавший без ошибки все чувства на лице молодого рыцаря, не стал его отговаривать.

И только женщины Корнуолла плакали навзрыд, провожая Тристана к морю.

Он приоткрыл глаза, поглядел на солнце из-под полусмеженных век, сделал еще пару глотков и вспомнил нечто уж совсем странное. Вспомнил детство свое. Вот только не его это было детство. Точно знал – не его, а вспомнил как свое. Из книжки так не запоминается, из кино – тоже. Такое пережить надо. Но откуда что взялось, как это может быть? Кто он? Все путалось, все перемешивалось в голове, и только яркие картинки лично пережитого им чужого детства выплывали из розово-золотистого тумана.

Глава вторая,

и самая длинная во всей книге, поскольку в ней нашему герою никак не удастся вспомнить что-то особенно важное для него, а потому и автору никак не удастся поставить точку

– Мальчик мой, – говорил старый барон Рояль по прозвищу Фортепьян, разглаживая длинные седые усы и прихлебывая эль из большой деревянной кружки. – Хочешь, я расскажу, почему тебя называли таким необычным именем – Тристан.

– Хочу, – отвечал Тристан, лежа в детской кроватке.

Спать ему совершенно не хотелось, а больше всего на свете мечтал он попробовать эля. Станный запах манил и пугал одновременно, а слова матушки-воспитательницы Брунхильды о том, что детям ни в коем случае эль пить нельзя, подогревали жгучий интерес. Тристан все ждал, когда Рояль отойдет хотя бы на секундочку, а кружку оставит на столе рядом с кроваткой, но Рояль всегда уходил и приходил вместе со своей кружкой. Эль оставался для Тристана просто запахом, и мальчик начинал представлять себе, что от одного-единственного глотка мутновато-желтой жидкости сможет перенестись в далекие края или преисполниться невиданных сил и творить чудеса. Интересно было вот так мечтать. Но и старик Фортепьян интересно рассказывал.

Действительно, почему его назвали Тристаном? И кто еще мог поведать об этом? Ведь ни отца, ни матери своей он никогда не видел.

– Так вот, мальчик мой, – начал Рояль, – уже много лет правит у нас Корнуоллом славный король Марк. А вассал его, король Рыбалинь, владел Лотианом, что на юге Альбы. Доблестным рыцарем был Рыбалинь Лотианский, в молодые годы многие страны объехал, многих врагов победил, за морями бывал и прозвище свое – Кагнанадес – получил, говорят, в Испании. На одном из тамошних наречий означает оно «достойный пример для подражания».

Вместе с Марком отражали они набеги захватчиков и побеждали их во славу великой земли логров и короля ее Артура. И столько раз Рыбалинь помогал Марку в самую тяжелую минуту, переправившись морем из Альбы в Корнуолл, что не смог Марк отказать ему в просьбе, когда возжелал тот сестры его – белозубой красавицы Блиндаметт с глазами цвета морской волны. О! Она действительно была прекрасна, как лилия, как белая роза, а улыбка ее сверкала жемчугами. Они любили друг друга страстной любовью – Рыбалинь и Блиндаметт – и сочетались браком в главном храме Тинтайоля, и король повез молодую жену в родной Лотиан, и взял с собой лучших бойцов. Ведь как раз тогда прошел слух о коварстве и злодеяниях герцога Мурлона, возомнившего себя властителем всей Альбы. Рыбалинь надеялся быстро восстановить порядок, но недооценил Злонравного Мурлона. И как только причалил корабль к берегам Лотиана, так сразу и понял король, что страна его разорена и почти погублена, а потому поселил беременную жену в единственном сохранившемся родовом замке Эрмения, а сам отправился на войну. Да и мог ли он поступить иначе?

Красавица Блиндаметт осталась со мною. Рыбалинь доверял мне как самому себе, я ведь никогда никого не подводил. Никогда. Потому и прозвище получил – Фортепьян. На старинном языке пиктов означает оно «верное слово».

А Рыбалинь погиб на той войне. Мурлон Злонравный вероломно и подло убил твоего отца, Тристан. Он подослал к нему наемных рабов, так не поступают благородные рыцари, а красавица Блиндаметт, узнав о смерти мужа, даже не заплакала. Я помню, как это было. Я поразился: неужели любовь ее так быстро утасла в разлуке, что даже слезам не нашлось места в трагическую минуту? Но уже через мгновение понял я, как жестоко ошибся. Она не позволяла себе плакать, потому что под сердцем носила тогда тебя, Тристан, и главным было, чтобы ты остался жить. Она все силы свои до последней капли отдала именно тебе. Представляешь, не всхлипнула ни разу, не застонала, не произнесла ни единого слова, только сделалась бледной, как свежевывстиранное полотно, а руки и ноги ее стали вдруг вялыми и безжизненными. Она уже не подымалась более, и хотя мы все уговаривали белозубую молодую красавицу остаться с нами, душа ее отчаянно рвалась из тела на небо. Три дня продолжались схватки, а на четвертый она родила тебя, взяла на руки и проговорила:

– О, любимый сын, как давно я мечтала о тебе! Слава Господу, я вижу перед собой это чудесное создание! Еще ни одна женщина не рождала на свет никого прекраснее. Разве только Дева Мария, подарившая нам Христа. И видит Он, это действительно так. Но в печали родила я тебя и в печали умираю теперь, а потому и называть тебя станут отныне именем, означающим

«полный печали» – Тристан. Пусть это магическое слово примет на себя всю горечь и грусть и тем самым поможет тебе прожить свой век ярко и счастливо.

Произнесла матушка твоя Блиндаметт такую речь и закрыла глаза навсегда, и устремилась душа ее к Богу, а ты, милый мальчик, остался на моих руках, ибо никого ближе меня у тебя теперь не было и нет.

Господи, неужели ему в самом деле было тогда только шесть лет?! Как он мог понять все, что рассказывал Рояль, понять и запомнить? А ведь запомнил! Чудеса. И понял. Настолько хорошо понял, что после никому ни слова.

В тот день, когда умерла его мать, воины Мурлона окружили замок Эрмения. Умудренный опытом Рояль Фортепьян быстро сообразил, что плетью обуха не перешибешь, и сдался Злонравному Мурлону. А дабы сохранить жизнь королевскому отпрыску, выдал его за своего ребенка и действительно воспитывал потом с собственными сыновьями.

Как это было принято, женщины в доме Рояля опекали Тристана до семи лет, а затем, став отроком, перешел он на обучение к одному из знаменитейших наставников в Лотиане – легендарному оруженосцу Курнебралу.

То был мужчина с крепкими мускулами и недюжинным умом, и роста огромного, и души широкой. Словом, большой человек во всех отношениях. Уж если брался за какое дело – делал по-крупному, не размениваясь на мелочи.

А юного Тристана природа наделила многими редкими способностями – физическими и умственными в равной мере. Для Курнебрала заниматься с ним было одно удовольствие. Да и мудрецы, призванные наставнику в помощь из-за странного желания Рояля вырастить Тристана знающим рыцарем, тоже на успеваемость ученика не жаловались. Уже к двенадцати годам постиг мальчик основы семи искусств и все умения, которыми полагается владеть настоящему барону: верховая езда и бой на мечях, метание копья и бег, прыжки через ров и лазанье по стенам, стрельба из лука и бросание в цель каменных дисков, охотничье дело, дрессировка собак, стихосложение, наконец, игра на арфе и роте. А еще были у юного Тристана особые умения и таланты – он необычайно красиво вырезывал по дереву и с фантастической точностью подражал голосам птиц. Человеческие песни самых разных племен исполнял он тоже прекрасно, а языков, которые понимал и на которых мог говорить к восемнадцати годам, насчитывалось уже не менее двадцати.

Кроме того, благородный Курнебрал приучил Тристана с младых ногтей ненавидеть всякую ложь и подлость, не прощать предательства и вероломства, но всегда помнить добро, помогать слабым, быть справедливым с подданными и твердо держать данное слово.

Когда же юноша стал немного постарше, Курнебрал объяснил ему все, что должен знать истинный рыцарь, желающий покорить сердце женщины. Слушать об этом было интересно, молодую кровь Тристана будоражили цветистые рассказы старого многоопытного знатока и любителя женской красоты, но про себя юный барон, преисполненный гордыни и с трудом подавлявший ее, полагал, что при его-то умениях и внешних данных не должно возникать проблем с девушками.

Мог ли он представить себе, насколько сильно ошибался!

Первая женщина, с которой предался он любовным утехам, повергла его в глубокую тоску. Она была мила внешне и вроде даже неглупа, но принадлежала другому миру, она была не равня ему.

«Королевская кровь, – подумал Тристан. – Я получу радость от соития только с принцессой, только с особой королевского рода».

И появилась еще одна девушка, более знатная, и еще – дочь герцога, и наконец – принцесса Оркнейская. Но результат оказывался прежним. Потому что не было главного – любви.

Курнебрал в простоте своей и не догадывался, что такое в жизни встречается. Он не мог рассказать юноше о волшебной силе настоящего чувства. Любовь неземная, любовь божественная – особый талант, он дается лишь избранным. Тем, кому не дано, и объяснить не пытайтесь, что это значит, – не поймут.

Тристану талант любви отмерен был высшею мерой, и он понял сам, почувствовал, что лишь с одной женщиной на свете будет счастлив, но понял и другое – это было как озарение – женщина его не здесь, она где-то очень-очень далеко, так далеко, как ни один из смертных и представить себе не может.

Однажды юный Тристан не выдержал и поделился мыслями своими с наставником. Курнебрал внимательно выслушал его. И не поверил.

– Это мальчишество, Тристан, искать любовь в ином мире. Ты что же, хочешь умереть безвременно? Нет, не для того Бог дарует нам жизнь, чтобы мы в юные годы молили его о смерти. Любовь твоя – на земле, юный мой рыцарь, Разумеется, ты можешь найти ее в другой стране, разумеется, но все равно это будет на земле, а не на небе. Браки совершаются на небесах, безусловно, мой юный барон, но акт зачатия греховен, и дети родятся на земле...

Тристану не хотелось слушать о греховных актах, в Любви, в Настоящей Любви – он так и произносил эти слова всегда, с прописной буквы, – в Любви, как и в смерти, не могло быть, по его разумению, ничего греховного, и он продолжал мечтать об иных мирах, словно сам Господь предназначал ему это.

Он верил в любовь неземную, божественную, верил в чудо, верил в себя. И в словах наставника зацепился лишь за одну фразу: «...ты можешь найти ее в другой стране». Что ж, не исключено.

Он стал подолгу пропадать на пристани Альбины – главного лотианского порта, наблюдал, как грузятся заморские корабли, и с тоскою всматривался в подернутый дымкой горизонт.

И однажды там, на пристани, подошел к нему высокий плечистый человек с широкой бородою и длинными волосами, настолько белыми, что издали и поначалу казались они седыми. Однако моряк был молод, просто и без того светлые кудри его выгорели на солнце.

В этот день Тристан сказал старику Роялю:

– Отец, я помню все, что ты рассказывал мне, но все равно считаю тебя отцом.

– А я считаю тебя своим господином, – ответил Рояль, – но пусть это останется нашей тайной.

Потом помолчал и продолжил:

– Тогда, двенадцать лет назад, мне просто было очень плохо, невыносимо хотелось излить кому-то душу, рассказать все, и я выбрал именно тебя, совсем маленького мальчика. Я думал, что разговариваю сам с собою, но ошибся. Ты оказался удивительным ребенком, Тристан. И дай тебе Бог, рожденный в Вифлееме, прожить счастливую жизнь.

– Спасибо, отец, – сказал Тристан и чуть не добавил: «Прощай». Но сдержался.

А ведь он действительно пришел прощаться. Он чувствовал: больше они не увидятся никогда.

Потом Тристан зашел к Курнебралу и неожиданно для самого себя проговорил странные слова:

– Я понял, наставник, ты был прав, я найду свою любовь на земле, может, это случится уже очень скоро, но любовь моя станет и смертью моей, а главное... – он замялся, как бы пугаясь собственных слов, – главное, это буду уже не я. Я-то ведь буду на небесах к тому времени...

– Что ты такое говоришь, мой юный господин?! – истово перепугался Курнебрал. – Что-то случилось у тебя? Поделись со своим учителем.

– О нет, право же, ничего. Именем Христа клянусь, ничего не случилось.

И ведь действительно не случилось, правду говорил – только должно было случиться. Но разве об этом говорят?

И Тристан поспешил уйти. Он боялся расплакаться, а это уж никак не подобало благородному рыцарю.

Светловолосый норвежский капитан назвался Олафом Белым и пригласил молодого шотландца на свое торговое судно – посидеть в каюте, в шахматки перекинуться. Олафу сразу понравилось, как хорошо Тристан говорит по-норвежски, и, узнав, что юноша не умеет играть в шахматы, капитан поклялся за несколько часов обучить его основным премудростям древней индийской игры. Каково же было удивление Олафа, когда уже через два часа Тристан не только запомнил все правила и простейшие показанные ему комбинации, но и сам напридумывал хитрейших приемов защиты и нападения. Лотианский искусник выигрывал теперь у опытного норвежского игрока партию за партией. Многие купцы сбежались посмотреть на их поединок и принесли им вина и мяса, и шахматным баталиям не виделось конца.

Были это те еще купцы, но Тристан как-то не обратил внимания на их одежду, оружие и привычки. Все так увлеклись игрою, что и не заметили, как стемнело, вернее опять же – Тристан не заметил. А когда сделалась ночь, корабль норвежский тихо отчалил и стал удаляться от берега.

– Куда мы плывем? – встрепенулся Тристан, а тем временем над морем уже забрезжил рассвет.

– В соседний порт, неподалеку, – успокоил его Олаф. – Мы еще проплывем на обратном пути мимо твоего родного Лотиана и обязательно зайдем в Альбину. А сейчас ложись спать. Тебе надо отдохнуть. Завтра снова поиграем.

Сознание Тристана было затуманено вином и усталостью, и он поверил Олафу, тем более что давно мечтал о путешествиях и втайне надеялся встретить в чужом порту свою настоящую Любовь. Да, именно Любовь с большой буквы.

«Может, это и есть судьба?» – думал Тристан засыпая.

Это и была судьба.

Норвежские «купцы» оказались ребятами неплохими, только очень уж много пили вина. Тристан так и не понял, с каким грузом шли они на север. Если с грузом вина – так все и выпьют по дороге, если солонины – съедят. А коли дорогих тканей, украшений, золота – разве такие люди способны сохранить ценный груз? И все же: куда они плывут? Олаф выражался невнятно. Остальные кивали на капитана. Тристан кое-что смыслил в географии и в морской навигации, потому на четвертый день понял: не в соседний шотландский порт держат путь скандинавские «купцы», то есть морские разбойники. Плывут они, похоже, в Испанию, по далекому обводному маршруту. И не то чтобы не хотел Тристан побывать в прекрасной южной стране, где когда-то отец его отличился доблестью небывалой, не то чтобы сильно затосковал по родной земле и близким людям, а просто не понравилось ему, что Олаф лжет. От такого человека и его команды можно было ожидать любых неприятностей.

Грандиозный план зародился в голове Тристана. Был ведь он силен и умен необычайно, а потому решил всех пьяных норвежцев повязать по одному, особо строптивых передуть и за борт выбросить на съедение рыбам, а управление кораблем принять на себя. Он верил, всерьез верил, что в одиночку победит всех пиратов и приведет корабль в Лотиан. Это оказалось невозможно. Он одолел лишь троих, когда его ударили сзади по темени и примотали к мачте толстым булинем.

– Отпустите меня! – взмолился Тристан, поняв, что проиграл. – Дайте мне лодку, и я поплыву своей дорогой, я не хочу дольше оставаться с вами.

– Нет, лотианец, – сказал коварный Олаф, – не для того я заманивал тебя на свой корабль этой древней индийской игрой и чудесным византийским вином, не для того, чтобы теперь

отпустить на все четыре стороны. Ты слишком многое умеешь, ты будешь прекрасным рабом, и если откажешься служить мне, я просто продам тебя в другую страну за большие деньги. Не будь я знаменитый на весь свет капитан Олаф Белый!

– Бог накарает тебя, норвежец, – тихо сказал Тристан и словно обмяк, обвис на могучих веревках.

В ту же секунду начали сгущаться тучи. Стремительно крепчавший ветер гнал по небу свинцово-серые, почти черные облака с невозможной скоростью и силой. Сделалась буря.

И бушевал этот шторм три дня и три ночи. И чудом, лишь благодаря огромному опыту лоцмана, корабль норвежцев не пропорол себе брюхо на острых рифах. И тогда самый старый из разбойников сказал всем:

– Давайте отпустим этого юношу. Морские боги не любят вероломства, море уничтожит наш корабль, если мы не прислушаемся к голосу разума и милосердия.

«Вот так пираты!» – удивился про себя Тристан.

И Олаф громко, перекивая волны и ветер, пообещал отпустить юношу и отдал приказ оснастить ему лодку, как тот просил еще три дня назад.

И в ту же секунду унялся ветер, и разметало в стороны тяжелые тучи, и солнце выглянуло, разбросав золотые лучи среди яркой голубизны, и лодка Тристана по тихой маслянистой воде поплыла к далекому берегу на горизонте, а норвежский корабль ушел в открытое море под благодарное пьяное пение и звон кубков.

Вот только берег оказался диким. Совсем диким. Небольшой, скалистый, никем не обитаемый остров. И пресной воды всего на два дня, а пищи – и того меньше. И куда дальше плыть, одному Богу известно. А главное, стоит ли плыть, когда во все стороны лишь распахнутые настезь морские дали. Судьба.

И на третий день, когда уже не было воды, а солнце палило нещадно, явился ему высокий худой старик с длинной белой бородицей – вот этот уж точно по-настоящему седой. А глаза у него были зеленые-зеленые, как у кота, и глубокие, да, именно глубокие, в них хотелось окунуться, словно в лесное озеро, и Тристан нырнул...

В общем, обыкновенное видение, навеянное жаждой. Или не совсем обыкновенное?

Или вообще не видение?

Он не мог разобраться в случившемся, потому что дальше в памяти зияла дыра. Полный провал. Наверное, он просто умер. Однако же теперь живет по второму разу. Как это понимать? Каким образом такое получилось? Следовало вспомнить.

И Тристан принялся вновь старательно вспоминать свою жизнь, пусть не по порядку, но все равно. Надо ведь разобраться. Другого пути нет. Никто ему не поможет. Кроме него самого. Почему-то он знал: самое важное сумеет вспомнить лишь он один, и больше никто, никто в целом свете. Значит, надо стараться...

Черт, как же болят эти дырки в теле! Особенно бедро. Во, уже разнесло. И цвет, ну прямо фиолетовый.

Ветер донес до него какой-то неясный гул. Тристан приподнялся на одном локте и глянул вперед поверх борта. Берег был уже совсем близко, и сделалась легко различимой толпа людей, вернее две толпы. Рыжие ирландцы прыгали и ликовали, еще издали завидев алый парус Моральта, а корнуоллыцы стояли понурыми мрачными рядами.

И тогда Тристан поднялся в лодке, воздев к небесам оба меча, и ситуация на берегу переменялась с точностью до наоборот.

От самой пристани и до замка Тинтайоль освобожденные юноши несли Тристана на руках, девушки – молодые, красивые – размахивали праздничными свежесрезанными зелеными ветками, все окна в домах украсились по обычаю роскошными тканями, вино и пиво

лилось рекою, запахи жареного мяса, рыбы и лука распространялись повсюду. Торжеству корнуольцев не видно было предела, за шумом голосов, звуками арф, звоном колокольцев, песнями и танцами, за лошадиным ржанием и радостным собачьим лаем никто не слышал долгих и жалобных стенаний ирландцев.

– О Святой Патрик, – вопрошали они, поднимая глаза к быстро бегущим по небу облакам, – за что послал ты такую беду на великую и древнюю землю Эрин?!

Так сами ирландцы называли свой остров.

В великом унынии вернулись они на корабль, оставленный в гавани Тинтайоля, погрузили на борт тело погибшего героя, меч его, возвращенный Тристаном, и ладью его, потом подняли на корабле черный парус и так, в печали и трауре, отплыли в родной Ат-Клиат и дальше – в Темру, где, конечно же, ожидала их толпа соотечественников, и сам король Гормон, и королева Айсидора, сестра Моральта, и дочка их – прекрасная белокурая принцесса Изольда, и, конечно, ждали они спутников великого рыцаря не с такими известиями и не с таким грузом.

«Груз двести», – вспомнилось вдруг Тристану, когда он смотрел на отплывающий в туман ирландский корабль. – «Черный тюльпан». Везде, везде одно и то же...»

И он внезапно понял, что и сам может очень скоро превратиться в такой вот «груз двести». Раны-то его вновь напомнили о себе. Эйфория торжественной встречи заканчивалась. Долго ли продержишься на одном энтузиазме? Лекарства, лекарства нужны ему. У него даже не оставалось сил припасть на одно колено перед любимым дядей своим и повелителем – королем Марком. Едва только юноши отпустили Тристана, он рухнул перед самым тронном, и кровь обильно заструилась из всех ран его, открывшихся по причине внезапного ослабления членов и удара о каменные плиты пола. Дальнейшее Тристан помнил в отрывках.

Раны не просто вспухали и мокли – с каждым днем они превращались во все более глубокие и страшные гниющие язвы, руки и ноги немели, тошнота и слабость накатывали волнами, есть он не мог ничего, только пить, а спал настолько худо, что перестал отличать сон от яви. Сердце Тристана то колотилось как бешеное, а то вдруг почти совсем переставало стучать. Это было похоже на медленную смерть. Ведь он даже боль едва ощущал. Мертвые не чувствуют боли, а он был уже наполовину покойником.

Впрочем, возможно, боль все-таки помогли снять целебные травы и настои. Все, что было толкового в арсенале корнуольских лекарей, они уже использовали, но раны и не думали заживать. Вздывались, лопались, пузырились, тошнотворно сочились черной поганой кровью. И пахли, чудовищно пахли. Запах был знакомый.

«Газовая гангрена», – вспомнил Тристан. С ним уже было такое однажды. Нет, не здесь, а в Центральном военном госпитале в Моздоке. Только там были прекрасные хирурги, и капельница, и препараты – антисептики, антибиотики, анальгетики, а здесь – одна лишь бурда с болотным привкусом и какие-то маринованные листочки – алхимия сплошная, мать их так! Но кажется, даже в Моздоке Тристана не спасли, все-таки он слишком долго провалялся без помощи на улице...

Или это был не он, а кто-то другой? Но запах-то знакомый...

Запах. Он распространялся вокруг, настолько отвратительный и сильный, что к Тристану перестали приходить люди, даже самые близкие друзья. Брезговали? Боялись? Или просто уже не считали его живым? Ведь лекари вынесли окончательное решение: их медицина в данном случае бессильна. Если Тристан и выживет теперь, так только волею Господа, проще говоря, надежда осталась лишь на чудо да на его собственное могучее здоровье. И зараженный страшным ядом, Тристан лелеял эту надежду и верил, что все-таки вырвется из рук смерти, все-таки выживет.

Но остальные не верили. Зачем же им было ходить к нему? Только трое, преодолевая отвращение и душевную боль, сменяли друг друга и по многу часов сидели у его изголовья

в отчаянной попытке помочь умирающему юноше хотя бы своей любовью. Это были король Марк, верный оруженосец Курнебрал и лучший друг его, барон Будинас из Литана.

Однако вскоре, видя мучения их, попросил Тристан отнести его на берег моря и там среди скал положить в продувной рыбацкой хижине, и убедил благодетелей своих, что так полезнее будет для его ран. И еще была у него странная просьба. Но кто бы посмел не исполнить последнюю волю смертельно раненного человека?

– Принесите мне, – попросил Тристан, – мою любимую роту, а также дерева нескольких сортов, из каких делают деку для этого инструмента, и костного клея принесите, и острый нож.

И переделал Тристан роту в диковинный инструмент (кто же мог знать в Корнуолле, что такое гитара?) и играл на нем часами печальные мелодии. Король Марк иногда тайком приходил послушать, сидя под стеной хижины и глядя на ленивые барашки волн, тающие у горизонта.

И однажды Тристан сказал:

– Подойди ко мне, мой король, я знаю, что ты здесь.

И Марк подошел.

– Я любил тебя, как отца, а ты любил меня, как сына. Так выполни же еще одну мою просьбу. Дай мне ладью, уложи меня на дно и спусти на воду.

– О Боже! Мальчик мой! – воскликнул король Марк. – Ведь ты же и грести не сможешь, и парус поднять у тебя неостанет сил. Куда же принесут тебя волны и ветер?

– Не ведаю, отец, – отвечал Тристан. – Но чувствую: здесь, на родной земле, настигнет меня вскоре смерть, а жизнь моя – там, за морем. Успею соединиться с ней, значит, останусь на этом свете и еще увижу тебя, мой король, а не успею – что ж, значит, такова воля Господа, не нам изменять ее.

Марк заплакал и обещал выполнить просьбу Тристана.

И когда уже вместе с Курнебралом они спустили на воду лодку, где лежал Тристан, державший в руках любимую роту, сделавшуюся непохожей на роту, король спросил на прощание:

– На что же ты все-таки надеешься, мальчик мой? Я читаю истинный свет надежды в твоих глазах, он ярк сегодня, как никогда в прежние дни.

– Ты прав, отец, – кивнул Тристан улыбувшись.

И хотел рассказать ему о своем двойном прошлом и о загадочном зеленоглазом седобородом старике, и тогда уже не надо будет объяснять, на что он надеется, ведь станет ясно: исключительно на чудо. Но в тот же миг Тристан понял: это неправда. На зеленоглазого старика можно было рассчитывать не как на чудо, потому что не был тот призраком или порождением разыгравшейся фантазии, наоборот – чем-то очень реальным и вполне объяснимым. Вот только время объяснять еще не пришло, даже для самого Тристана, а значит, и рассказывать пока нельзя. Ни любимому дяде Марку, ни кому угодно другому. Следовало молчать до поры, просто чтобы выжить, выжить во что бы то ни стало. Ведь главное, ради чего Тристан («Тристан... Тристан... ё-моё! Как меня раньше-то звали? Не помню...») ...ради чего Тристан оказался тут, в этом чужом мире, – главное еще не случилось. Но оно обязательно случится, и очень скоро.

Все эти мысли расцвели в его голове с ослепительной ясностью прозрения, и тогда он медленно и трудно, разомкнув еще раз запекшиеся губы, выпустил на волю слова, которым сам удивился:

– Я надеюсь на волшебное снадобье, на чудодейственное лекарство, исцеляющее раны, подобные моим. Один из лекарей наших, Иосиф, обмолвился как-то, что лучшие целители живут в соседней и ненавистной нам сегодня Ирландии. Ну и вообще, очевидно же, от ирландских ядов могут помочь только ирландские противоядия.

– Ты что же, – не поверил Курнебрал, – рассчитываешь добраться до земли недругов и получить помощь от людей, ненавидящих тебя, мечтающих о смерти твоей?

– Да нет, наверное, – схитрил Тристан, не желая признавать, что именно об этом варианте и думает. – Скорее я рассчитываю встретить норвежский или датский корабль, а у викингов, так давно воюющих с народом Эрин, наверняка найдутся все необходимые ирландские настои и мази.

Они все трое помолчали. О чем еще можно было говорить? Настало время прощаться.

– Счастья тебе, мальчик, в добрый путь!

Марк смахнул слезу, Курнебрал просто потупил взор, и оба они что было сил в четыре руки оттолкнули ладью от берега.

Семь дней и семь ночей баюкало море умирающего Тристана, и ни разу не начинался дождь, и солнце было ласковым, а не палящим, ветер не мотал ладью из стороны в сторону, а уверенно гнал ее все это время вперед и вперед.

И пока Тристан сквозь распухшие веки, которые уже ни открываться, ни закрываться толком не могли, смотрел на солнце, и на кучевые облака, и на яркую полуденную синь, и на алые краски зорь, и на холодные зеленые угольки черного ночного неба, раны его словно притихли в ожидании развязки, а сознание – раздвоенное, расчлененное – было где-то не здесь, точнее, оно было то здесь, то там, оно путешествовало по мирам, по временам и странам, и абсолютно нельзя было понять, какая из вспоминаемых реальностей действительно существует, а какая порождена бредом больного, отравленного воображения.

Он снова ощутил себя на койке госпиталя в Моздоке. Собственно, стало вдруг предельно ясно: никуда он с этой койки и не исчезал. Предсмертные видения, говорят, бывают поразительно яркими и цветистыми. Ну да, да! Ну представил себя героем красивой древней легенды, ну прожил добрых три года в этой роли... Стоп. Откуда он взял, что именно три года? Что он помнит из этих трех лет? Впрочем, последние события помнит хорошо.

Незадолго до появления Моральта на земле Корнуолла прибыли в Тинтайоль в результате долгих поисков отец его названный Рояль Верное Слово и преданный оруженосец Курнебрал. Прибыли, вошли в замок, и Тристан узнал их, потому что помнил – из той, другой жизни, а вот они его – нет. Он это точно понял, глаза обоих смотрели на Тристана грустно и разочарованно. Но какая-то внутренняя борьба происходила в душе Рояля, да и с Курнебралом творилось что-то неладное. На лице благородного Фортепяна противоречивые чувства особенно четко отразились, и апофеозом стал момент, когда старый барон извлек из глубоких складок своей одежды маленький кожаный мешочек, распустил шнурок и показал королю Марку крупный, сияющий многими гранями кристалл – дивной чистоты бриллиант.

– Помнишь, Марк, этот камень подарил ты на свадьбу сестре своей Блиндаметт Белозубой, когда венчались они с Рыбалинем в главном храме Тинтайоля?

Марк узнал бриллиант и произнес потрясенно:

– Помню. Да кто же ты, пришелец?

– Я – барон Рояль по прозвищу Фортепян, верный вассал короля моего Рыбалиня, погибшего в смертном бою с Мурлоном двадцать один год назад. А вот этот юноша, стоящий рядом с тобой, – Тристан из Лотиана, сын Рыбалиня и умершей родами Блиндаметт, а стало быть, твой родной племянник.

Вот тогда и воскликнул король Марк:

– Боже! Целых три года служил мне славный юноша Тристан верой и правдой, а я и не подозревал, что он мне родственник. Но чувствовал, ох, люди добрые, искренне признаюсь вам – чувствовал, родная кровь говорила за себя. Тристан, мальчик мой, ты не дашь соврать старику, ведь я все это время любил тебя не то что как племянника – как сына родного!

А Рояль продолжил свой странный и как бы заученный текст:

– Герцог Мурлон Злонравный вот уже сколько лет не по праву владеет Лотианом. Настало время изгнать его с захваченной у нашего короля земли. Тебе, Тристан, предначертано сделать это.

Так он сказал. И Тристан сделал это.

Почему-то из Корнуолла в Шотландию потащились морем. Впрочем, понятно почему, у них же там с дорогами дело было швах – леса да горы кругом непроходимые. Плыть, даже вкругаля, намного быстрее.

А вот саму битву с Мурлоном припоминал Тристан слабо. Рыцари на лошадях, разодетые в чумовые доспехи (то бишь не только люди, но и лошади в латах), подозрительно перемешивались в памяти с ревущими бэтерами на улицах Гудермеса, а длинные копья и тяжелые мечи – с гранатометами РПГ-7 и «калашами».

Но в Лотиане в отличие от Гудермеса результат был явно положительный: значительная часть местного населения поддержала Тристана, возглавившего войско короля Марка, бывшие вассалы Рыбалиня объединились с прибывшими корнуолльцами, и все вместе они дружно перебили главных, самых свирепых и отчаянных головорезов Мурлона. Остальные сдались. Сам же злонравный герцог, как и подобало ему, все-таки вышел на старости лет для решающего поединка с новым претендентом на королевство. Молодые мускулы, спецназовская выучка, уроки Курнебрала и чеченский опыт не подвели Тристана – Мурлон был обезглавлен одним точным ударом.

После этого Тристан вступил в законное право владения всей землей Лотиана, бывшие вассалы Рыбалиня и нынешние вассалы Мурлона преклонили перед ним колени, признавая себя ленниками нового короля, а народ потащил ему всяческие дары как избавителю от двадцатилетнего гнета. Судя по их здоровым мордам, никакого особого гнета местные мужики и бабы, похоже, здесь не испытывали, чай не норвежские язычники ими столько лет правили, ну да ладно. Тристан принял все с благодарностью и призадумался: «На фи́га, как говорится, козе баян?» То есть не только россиянину из двадцатого века, но и Тристану, чудом вернувшемуся на землю своего детства, как-то не улыбалось править этой красивой, но дикой страной – страной горных озер, дремучих лесов и суровых скалистых берегов, о которые день и ночь бьются холодные северные волны. Не хотел он вообще ничем править. Быть вассалом короля Марка импонировало ему гораздо больше. И Тристан принял быстрое решение.

– У каждого достойного человека, – без ложной скромности объявил он народу, – есть две главные ценности: земля его и тело его. И эти ценности я хочу вверить двум самым дорогим мне людям. И того и другого считал я своим отцом, и тот и другой в трудную минуту помогли мне и проявили по-настоящему теплые чувства. Так вот: барону Роялю по прозвищу Верное Слово передаю я землю мою, прекрасную землю Лотиана, принадлежащую ему теперь безраздельно и по праву. А королю Марку хочу я служить и дальше как охотник, пастух, менестрель и рыцарь его. Впрочем, люди добрые, сеньоры Лотиана, вы – ленники мои и имеете право дать хозяину совет, а я к нему прислушаюсь.

Но никакого совета не дали вассалы господину своему, достославному королю Лотиана, отказавшемуся быть королем. Они просто полностью признали его правоту, оценили мудрость сделанного выбора и со слезами на глазах проводили с корнуолльскими кораблями обратно в страну короля Марка. А преданный оруженосец Курнебрал, конечно, отправился вместе с Тристаном.

Так было. Он хорошо это помнил, лежа теперь на вонючей койке в темной подвальной палате, где перегорело вчера еще несколько лампочек. Заменить их пока было нечем, а единственная оставшаяся прямо над его головой светила тускло, да еще и заляпана была какой-то гадостью. Кровью, что ли? Или это все-таки закатное солнце проглядывает сквозь потемневшие к вечеру облака? А шпангоуты так отвратительно врезаются в спину через совсем уже

истершийся тюфяк. Ведь качает, даже очень качает, койку в госпитале не может так качать... Или может? Во время бомбежки. Это что же, еще один авианалет? Ф-фу, Моздок же ни разу не бомбили, ты не в Грозном, Ваня. Или еще в Грозном?.. Ва-ня. Ваня! Иван! Так вот как его зовут!

Он протянул руку, нашарил сначала бурдюк с прокисшим козьим молоком, глотнул этой жижи с истинным наслаждением, потом взял в руки гитару, то бишь переделанную роту – маленькую кельтскую арфу, – и заиграл. Это помогало вспоминать. А он все эти дни мучительно пытался слепить рассыпающиеся куски прошлого во что-то цельное, убедительное и понятное. Не хватало одного, совсем крошечного звеньшка. Да, именно одного, и кажется, он уже подбирался к разгадке...

Вот оно! Нечто сверкнуло вдруг, словно ответ на все вопросы сразу. Зеленые глаза. Ясные, глубокие, изумрудно чистые. Глаза старика? Нет – глаза незнакомого молодого хирурга в темном, цвета морской волны халате, заляпанном кровью. Глаза смотрят пристально, ласково и жутко. Страшную доброту, чудовищное милосердие излучают они. Бред.

Иван там, в Моздоке, теряет сознание. На секунду, на миг. Потом с нечеловеческим усилием вновь поднимает веки. Тут же, действительно тут же, потому что спать нельзя, потому что сон в его положении – это смерть, и... обнаруживает себя на скалистом берегу возле разбитой шляпки в странной одежде и абсолютно здоровым. И все это тем более загадочно, что он не помнит, как здесь оказался, но вместе с тем происшедшее воспринимается совершенно нормально, ведь он вообще многого не помнит, значит, так и должно быть. Его же украли норвежские купцы, то есть норвежские пираты, опоили чем-то, и был шторм, и была шляпка на тихой воде, и был остров, и безумная жажда, и зеленые глаза... В общем, это нормально, что он многое забыл, он потом вспомнит. А госпиталь? Госпиталь тоже был, но очень, очень давно. Слово-то какое – «госпиталь»? Хочется сплюнуть, как песок, попавший на язык, оно чуждое, ему нет синонима на том языке, на котором сейчас думает Иван, то есть Тристан, да, теперь его зовут Тристаном, и думает он... да, да, на каком-то кельтском языке. Ё-моё!

Вот именно таким парадоксальным образом удалось ему склеить свои разрозненные воспоминания. Он по-прежнему плыл в никуда, смертельно раненный, но море и лодка стали единственной реальностью, бред прекратился, и теперь Иван обстоятельно и с удовольствием извлекал из памяти подробности своего появления в этом мире.

Он тогда быстро нашел тропинку меж скал и взобрался на покрытое жухлой травой и редкими кустиками плато. Нигде, насколько хватал глаз, не видно было следов человеческого жилья, а впереди, меньше чем в километре, зеленел лес. Иван (или Тристан?) направился к нему, с наслаждением вдыхая полной грудью дурманяще чистый воздух, напоенный медвяным запахом вереска и пронзительной свежестью озона с терпкой примесью морской соли. Он чувствовал, как рождается заново. И понимал (по-русски, по-чеченски, по-кельтски, по-английски – по-любому!), что это не литературный образ, не фигура речи, а факт, непреложный факт его биографии – второе рождение. Как, почему, откуда, каким образом – не важно. Начиналась новая жизнь.

И когда ботфорты его погрузились по щиколотку в мягкий податливый мох, пушистым ковром покрывавший опушку леса, Тристан слышал вдали собачий лай, и не одного пса – это целая свора преследовала зверя. Точно, именно так лают гончие. А потом уже ближе раздались призывные звуки охотничьего рожка и зычные кельтские выкрики.

Тристан уверенно пошел вперед на эти звуки, торопясь успеть к торжественной развязке, но все же опоздал. Когда он вышел на поляну, охотники, построившись в ритуальную фигуру, радостно трубили на весь лес о своей удаче, а большой благородный олень с ветвистыми рогами был уже повержен и даже не дергался, собаки зализывали ушибы, полученные, очевидно, в процессе заваливания животного, а из тела убитого зверя торчали два грамотно вонзенных

копья: одно в брюхо, почти между передних ног, и одно – в горло. А вот дальше встреченные Тристаном люди повели себя не слишком грамотно.

Старший среди них и, как видно, наиболее опытный егеря, которого называли Эдвардом Умелым, взял длинный, чуть искривленный нож и замахнулся над нежной, бессильно вывернутой пятнистой шеей с явным намерением, не задумываясь о шкуре, отхватить благородному оленю башку.

– Еб твою мать! – закричал Тристан на чистом русском, бросаясь к Эдварду, чтобы остановить его.

Подбирать кельтский эквивалент этого междометия было сейчас явно некогда, да к тому же по немногим отрывочным фразам Тристан еще не вполне сообразил, на каком именно наречии общаются между собой охотники.

Теперь же не только Эдвард, но и все остальные повернули головы в его сторону. Смысл слов, произнесенных Тристаном, не имел никакого значения – люди поняли интонацию, поняли однозначно и правильно. Тристан немного успокоился и, отчаянно мешая в одну кучу валлийские, бретонские, русские и чеченские слова, продолжил свою мысль:

– Ты что же это делаешь, бляха-муха, Эдвард? А еще умелым зовешься! Какой же ты, к шайтану, умелый, если благородного оленя с такой роскошной шкурой разделяешь, как поганую, нечистую свинью? Где учили тебя, Эдди, такому кретиническому способу?

– Ах, чужестранец, – растерялся Эдвард Умелый от столь внезапного натиска. – И не пойму, чего я, собственно, сделал, чтобы уж так на меня кричать. Впрочем, не все слова твои были нам понятны, может, поэтому я растерян теперь. Давай договоримся: сначала я простым корнским языком объясню тебе, что собирался делать, а уж потом ты скажешь, прав я или нет и существует ли действительно лучший способ разделки оленя. Вот слушай: вначале я отрубаю голову, затем разрезаю туловище на четыре части, попарно одинаковые, части эти мы грузим на лошадей в первую очередь, затем привязываем к лукам наших седел остальное и в таком виде доставляем в замок повару и скорняку.

– Хуиная твоя голова! – вторично не удержался Тристан еще раз, но сказал это уже ласково, а потом сосредоточился и перешел целиком на корнский, тщательно отбрасывая выплывавшие откуда-то из глубин памяти древневаллийские, латинские и даже (во дела!) старофранцузские слова.

Рассказывая, Тристан одновременно демонстрировал, как именно полагается свежевать скотину у народов, имеющих давние традиции в этом вопросе. Он встал на колени, аккуратно рассек кожу от пасти до хвоста вдоль брюха и отдельными разрезами – вдоль каждой из ног до самого копыта, затем вскрыл аорту и спустил кровь, после быстрыми уверенными движениями содрал всю шкуру, предварительно сделав еще надрезы возле рогов. Лишь после этого он разнял тушу, естественно, не трогая крестца, но положив особняком бедра, отобрал потроха, отнял морду, вырезал язык, а также отдельным порядком извлек сердечную мышцу.

И все егеря, псары и конюхи склонились над ним, стояли молча, наблюдали, пытаясь запомнить, и в итоге с восхищением признали, что в мастерстве иноземному парню не откажешь.

– Дружище! – чуть не прослезился Эдвард Умелый. – Много лет занимаюсь я охотой во славу короля нашего Марка, но такого прекрасного обычая до сих пор не ведал. В какой же это стране учат подобному искусству?

– Имя этой страны – Ичкерия, – честно признался Тристан, потому что именно чечены, пока он сидел у них в плену и работал в горном кишлаке по хозяйству, научили его грамотно разделять быков и баранов. – В этом далеком горном крае на Востоке даже малые дети владеют искусством свежевания туш.

– О! – изумился Эдвард. – Никогда о такой стране не слышал, очевидно, это где-нибудь в Индии. Неужели ты родом оттуда? А по лицу и не скажешь.

– Нет, – ответил Тристан, – это гораздо ближе, чем Индия.

А потом спохватился, что рассказывает лишнее, и добавил:

– Но сам-то я родом не оттуда, просто путешествовал много. Сам я из Альбы, и зовут меня Тристан Лотианский.

– Не был я и в Лотиане, друг мой, но много хорошего слышал об этой земле, – откликнулся Эдвард. – Что ж, слава Лотиану и слава отцу твоему, воспитавшему достойного сына. Не согласишься ли ты теперь поехать к королю нашему Марку?

– Охотно, – сказал Тристан.

Ибо куда еще ему было ехать?

Когда незнакомые люди задавали ему прямые вопросы, память услужливо подбрасывала правильные ответы, правда, и неправильные она тоже подбрасывала (зараза!), приходилось выбирать, и пока еще это было непросто. А вот вспомнить свое шотландское прошлое все целиком Тристану никак не удавалось. Прошлое Ивана вспоминалось до сих пор гораздо легче, но он уже понимал, что этими знаниями сейчас и здесь, в совершенно ином мире, пользоваться надо очень осторожно. Фрагментарно. По мере надобности. Если же рассказывать все, судьба его будет печальна. В лучшем случае прослышет безумцем, а в худшем – погибнет как исчадие ада от меча какого-нибудь праведника.

– А верно, отец твой – богатый и знатный человек? – спрашивал старший егерь.

– Да нет, – отвечал Тристан, оттягивая момент ответа по существу и изо всех сил пытаясь не брякнуть вновь чего-нибудь русско-советского. – Не то чтобы очень богатый, а уж о знатности мы и говорить не станем. Был он талантливым охотником и удачливым купцом, но поглотили его однажды волны Испанского моря, царство ему небесное. А я бежал из родительского дома и два с лишним года путешествовал по свету, ибо мечтал посмотреть, как живут люди в иных землях. Но отец действительно многому научил меня, и было мне легко. Однако теперь корабль наш затонул, а лодку мою выбросило на этот берег.

– Хотел бы я побывать в такой стране, где сыновья купцов и охотников умеют и знают больше, чем в иных местах дети баронов. Будешь учить нас, Тристан?

– Всегда рад. Дайте только одно дело закончить.

Туша оленя уже лежала разъятая на все необходимые части, и теперь на помощь Тристану пришел его как бы забытый шотландский опыт.

Внутренности он бросил на расстеленную шкуру и позвал собак специальным сигналом охотничьего рога, а натертые солью куски оленины наткнул на тщательно отобранные специальной формы рогатины и роздал участникам похода. Особое внимание уделено было так называемому королевскому шесту – наиболее прямому и длинному. Поперек него Тристан привязал ветку, куда нанизал самые лакомые куски от различных частей тела, венчала же эту композицию голова оленя. «Королевский шест» полагалось держать старшему егерю в правой руке и ехать ему надлежало первым. Остальных Тристан построил особым порядком – попарно и в соответствии с ценностью тех частей туши, которые охотникам доверено было нести: большой филей, грудина, корейка, шейка, окорока, лопатки, передние и задние голени...

А потом дорогою решили охотники еще и рыбы наловить. Тут уж Тристан вообще обохотался: ловили они ее, как первобытные люди – острогой. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что рыбы в их реках и озерах водилось немерено, да и руки у корнуолльцев росли из того места, какого надо, так что и острога свой эффект давала. Но все же, мужики, несолидно как-то... В общем, научил их Тристан еще и удочку мастырить: удилице из орешника заделал, лесу – из конского волоса сплел, а крючок аккуратно вырезал из твердого плотного граба, грузило – камень с дырочкой, ну а поплавок – дело нехитрое. В полном восторге были корнуолльские охотники, резвились как дети, таская из лесного озера одну за другой серебристых извивающихся рыбин.

Ну и король Марк принял Тристана с почтением, предложил ему служить в замке Тинтайоль и устроил пир в его честь.

Вечером, когда уже все гости веселыми были, прибыла местная знаменитость – валлийский жонглер по имени Варли. Почему-то эти потомки пиктов и викингов своих бродячих певцов жонглерами звали, влияние французов, не иначе. Тристан сказал бы «бард» или «менестрель». Ну а жонглер – так жонглер. Какая разница? Будет и он теперь, стало быть, жонглером, хотя отродясь больше двух предметов подбросить и обратно схватить не умел. И то все чаще это были «лимонки»: свою туда, врагам кинуть, а от них прилетевшую поймать и опять туда же зашвырнуть.

Бароны корнуольские восхищались игрою и голосом валлийца, а Тристан послушал-послушал именитого гастролера и понял, что сам слаба не хуже. Понял и сказал:

– Хороша твоя уэльская музыка, жонглер. И древние арморикские напевы прекрасны, особенно те, что посвящены страстной любви Грайлэнта. Но вот хочу спросить: неужели это весь репертуар, что тебе известен, ведь ты, мой друг, уже по третьему разу сыграл нам первые две мелодии. А вот знаешь ли, например, знаменитую песню «Черный рыцарь взял мое сердце в полон»?

Тристан и сам такой песни не знал. Красивое и чуточку смешное название выплыло неизвестно откуда, вероятнее всего из какой-то книжки, читанной в детстве, но валлиец от его внезапного натиска оторопел и поначалу признался в собственной необразованности, а уж потом перешел в ответное наступление:

– Дерзкий юноша, ужели купцы в Лотиане и музыке обучены не хуже валлийских жонглеров? На чем играешь ты: на арфе, на роте или на скрипке? Может быть, на волынке?

– Я на всем играю, – скромно ответил Тристан. – Дай-ка сюда свою арфу, жонглер.

Варли, вконец раздавленный, подчинился.

И Тристан покорила их всех, особенно короля. Сначала играл древние мелодии своей страны. (Своей? Своей, своей. Ты теперь – Тристан, привыкай, никакой ты не Ваня Горюнов. Нет больше Вани Горюнова – проехали.) И всколыхнулись грустные воспоминания у старика Марка: и детство, и юность, и как выдавал он замуж за Рыбалиня любимую сестрицу – нежную красавицу Белозубую Блиндаметт. А потом Тристан плавно перешел к исполнению популярной классики будущих веков, тут уж у баронов и сенешалей глаза на лоб полезли, но благо все пьяные были, никто толком ничего не разобрал и не запомнил. Так что когда после десятой (или какой там?) кружки эля Тристан заиграл им «Песенку о медведях», некоторые уже спали. И он отчетливо понял: пора завязывать, во всех смыслах пора, иначе... Что иначе? Да ничего. Просто ему надлежит как можно скорее свое новое прошлое в памяти восстанавливать, а не дурака валять, несчастных древних людей анахронизмами пичкая. Вот что главное, брат Иван – то есть тьфу! – Тристан.

С тем и заснул тогда. Исторический выдался денек.

Ну а потом вполне обычная жизнь началась. Охотился, рыбу ловил, пас свиней королевских – это считалось очень почетным занятием, опять же с людьми общался, новые языки узнавал. Языки так легко давались – очуметь! Ну, в общем, оно и понятно. Во-первых, в тогдашних языках не столько слов было, во-вторых, он их уже знал немало, а в-третьих, Тристан же не санскрит учил и не китайский, а близкие, так или иначе родственные – датский, шведский, испанский, итальянский, фламандский, галльский, еще какие-то. Совершенствовался, конечно, в боевых искусствах, молодых баронов, мальчишек, «баронят» учил всему, что умел и знал сам. Иногда и сражаться приходилось. Словом, сублимировался Тристан. Именно так – разными способами сублимировался, потому как давняя тоска его по неземной любви, соединившаяся теперь с любовной драмой Ивана, разъедала сердце вдвойне.

Не было в Корнуолле достойной женщины для Тристана. Не было – это он точно знал. А где искать – оставалось загадкой. Просто теперь он стал спокойнее, степеннее, ведь в тело

юноши подселился другой человек, пусть и такой же молодой, но умудренный опытом веков, цинизмом новой эпохи и страшной памятью о безумной войне, через которую пришлось пройти и умереть на ней. Память о пережитой смерти – нечто особенное. С этим уже нельзя жить как прежде.

Мучительна тайна любви, но тайна смерти еще сильнее держит в напряжении душу. И магнетическая сила зеленых глаз не отпускала его. Это была загадка похлеще любых других – до женщин ли стало Ивану-Тристану в те странные годы?

Однако, несмотря на все свои странности, был он очень близок к королю. Утешал Марка в часы печали и сам от этого утешался, делался мягче, примирялся с окружающей действительностью. В конце концов здесь тоже можно было жить.

И было еще существо, которое подружило его с этим миром, которое дарило ему минуты и часы ни с чем не сравнимой радости, – его собака. Он взял ее щенком и воспитывал по всем правилам кинологической науки двадцатого века, изученным в спецназе, а также с учетом бесценных знаний древних кельтов, умевших как никто выращивать охотничьих псов в своих лесных селениях.

Щенок был благороднейшей далматской породы. Генуэзский купец, взявший немалую сумму золотом за роскошную брудастую сучку двух месяцев от роду, уверял, что вывез ее из самой Далмации. А далматы в свою очередь клялись всеми известными им богами, что порода эта наидревнейшая, и служили чистокровные далматские доги, называвшиеся тогда, разумеется, по-другому, еще египетским фараонам, чему находится подтверждение в изображениях на старинных североафриканских сосудах. Звали щенка как-то странно, длинным тройным именем Лоренс-Фатти-Ницца (дикий народ далматы – что с них взять!), кличку эту корнуолльцы немислимым образом переделали в Лукерину, а Тристан простоты ради начал звать свою собаку на русский манер – Луша, именно к этому имени животное и приучилось, а всем остальным – какая разница? – Луша, так Луша, известное дело, Тристан – юноша чудаковатый, иноземных языков знает немало, так пусть и подзывает свою собаку любым диковинным словом.

А Луша росла необычайно смышленной, разносторонне способной и бесконечно преданной Тристану – дивное существо, белоснежное, в веселых черных пятнышках, с мягкой, ну прямо бархатной шкуркой, с очаровательными брылями и продольными складками на шее, с почти черными ушками, стоящими домиком. «Луша! – кричал, бывало, Тристан. – Ко мне!» И она бежала, казалось, со скоростью скаковой лошади, уши развевались на ветру, пятнистые лапы мелькали, хвост торчал стрелой, глаза горели. Добежит, обойдет вокруг, сядет слева, ждет, а по команде «Можно!» взметнется на задние лапы и целует, целует Тристана в лицо и смотрит добрыми, счастливыми глазами. «Будет ли кто-нибудь еще любить меня так? – думал в подобные минуты Тристан. И сам себе отвечал: – Вряд ли».

Жизнь так и катилась сама собой, потихонечку, неспешно, ничего вокруг как-то не происходило. Он бы и не понял, сколько времени минуло, если б не появление Рояля с Курнебра-лом. И вот тогда события, как обезумевшая лошадь, сорвались с привязи и полетели галопом.

А теперь круг замкнулся. Он снова умирал. Однако по второму разу умирать было не страшно. Противно, тяжело, но не страшно.

О, как плавно и нежно качают волны его ладью! Может быть, он и впрямь давно не здесь и даже не там, может, в каком-то совсем уж третьем мире? В раю, например. На острове Авалон, как его кельты называют. Если таковой существует, Тристан вполне заслужил попасть туда. Вполне заслужил.

И тут он различил голоса. Удивительно близкие. Он даже понял, что разговаривают трое. Прислушался повнимательнее. Говорили по-ирландски. И скорее всего это были рыбаки. Неужели Бог услышал его мольбы и лодку прибило-таки к берегам Эрина? Вот только это еще

не победа. Что, если ирландцы все же увидят в нем врага? Ему предстоит сыграть роль, и роль непростую.

- Смотри, – сказал один из рыбаков. – Пустую лодку к нашим берегам прибывает.
- Да, – согласился другой и добавил помолчав, – эту лодку сделали в Корнуолле.
- Откуда знаешь? – спросил третий.
- Э, брат, мне ли не знать корнуолльских лодок!

И тут их понесло. На Корнуолл и корнуолльцев было вылито столько дерьма, вылило виртуозно и с удовольствием, что Тристан почувствовал себя уязвленным, хотя ни в каком смысле корнуолльцем не был. Первое «я» Тристана, то бишь Ивана Горюнова, родилось в Москве. Второе – в Лотиане. Мать – родом из Корнуолла, это так, но матери своей он не знал никогда и знать не мог, не за нее и сейчас обиделся. Просто он с детства не терпел никакой национальной розни, потому и теперь зло взяло, да еще какое!.. Вот он бы им сейчас показал, ох переломал бы кости голыми руками, но нет сил, дьявол, ну нет сил совсем, гады, сломали парус!

И тогда он схватил гитару, и грянул по струнам что было мочи, и запел Высоцкого. «Парус». А голос Тристана был хриплым и низким от жажды и многодневной телесной муки. И звучала песня так натурально! У самого мурашки по коже. Рыбаков ирландских, видно, тоже проняло, замолчали, заслушались, потом плеск весел сделался отчетливым, и вот над ладьей склонились три рожи. Нет, все-таки три лица. И Тристан вдруг понял: эти – помогут.

– Как прекрасно ты пел, чужеземец! Наверное, именно так оведала неземная музыка ладью Святого Бредена, когда он плыл к Земле Обетованной, а море вокруг сделалось белее молока. Ты помнишь эту красивую легенду?

Тристан молчал.

- Э! Да знаешь ли ты наш язык, менестрель? – спросил другой рыбак.
- Знаю, – глухо ответил Тристан. – Хотите, еще спою?
- Хотим, если только остались силы в твоём теле, чтобы играть и петь. Выглядишь ты неважно. Давай мы доставим тебя на берег. Тебе нужна помощь.
- Вы правы, – сказал Тристан еще глуше. – А эта земля зовется Эрин?
- Воистину так.
- Слава Святому Патрику!
- Ты что, ирландец? – удивились рыбаки, чуть ли не все хором.
- Нет, но я очень люблю вашу страну, – разливался Тристан соловьем. – Я не однажды бывал здесь. Ведь я бродячий оркнейский музыкант и всю свою жизнь путешествую по городам и странам. Давеча плыл я с корнуолльским торговым судном в Италию, чтобы у тамошних мудрецов научиться гаданию по звездам, я пока еще очень плохо владею этим искусством. Так вот. В пути корабль наш захвачен был норманнскими пиратами, я сражался с ними, но силы оказались неравны. Выброшенный в море, я чудом вскарабкался на борт этой покинутой кем-то ладьи, и вот Провидение вынесло меня к вашим берегам. Это не случайность, братья мои. Коварные норманны отравили кинжалы свои поганым зельем – видите, как гниют мои раны? – а кто ж не знает, что самые лучшие, самые чудодейственные мази и жидкости умеют делать именно ирландские целительницы.

– Тебе вдвойне повезло, пришелец, – сказал самый старший из рыбаков, поднимаясь во весь рост и зачем-то поднимая весло на плечо. – Именно наша госпожа считается лучшей целительницей в Ирландии.

Что-то болезненно щелкнуло в голове у Тристана. Он вспомнил, кто считается в Ирландии самой знаменитой целительницей. Королева Айсидора – сестра убитого им Моральта. К ней и плывем теперь. От судьбы не уйдешь, Иванушка.

Все было красно перед глазами, оказывается, он сумел их закрыть, а лодка шла прямо навстречу солнцу. Так что когда Тристан чуть-чуть раздвинул веки, он увидел лишь силуэт

стоящего рыбака – нестриженная борода, какая-то тряпка на голове и тяжелое весло через плечо – ни дать ни взять моджахед с базукой.

«Убьют они меня, – подумал Тристан обреченно. – Но прежде я им все-таки спою. Это так здорово, когда ты поешь, а они не понимают ни единого слова, но слушают затаив дыхание».

И он спел им свою песню, написанную там, на новый тысяча девятьсот девяносто шестой год от Рождества Христова.

И будет тихо падать снег
На трупы и на танки,
А где-то звонкий детский смех,
А где-то Новый год у всех,
Веселье, танцы, пьянки...

Пылает зарево в ночи,
Уснул стрелок чеченский,
Но если хочешь жить – молчи!
Враги здесь даже кирпичи,
Пугали нас зачем-то.

А мы не видели врагов,
В кого стрелять – не знали...
Глазницы выжженных домов,
Конвейер цинковых гробов,
Старухи вой в подвале.

Осколки битого стекла,
На пальцах кровь чужая...
О, как мне хочется тепла
И чтобы ты меня ждала.
Ты помнишь, уезжая,

Я обещал, что я вернусь?
Забыты заверенья.
Нас всех убьют здесь – ну и пусть.
Давно прошли тоска и грусть –
Осталось озверенье.

И утром нас поднимут в бой
Во славу президента.
Мы не увидимся с тобой,
Мы не увидимся с тобой –
Лежу с пробитой головой
В носилках из брезента.

– Понравилось? – спросил Тристан.

– Да, – кивнул один из рыбаков задумчиво. – Но первая лучше была.

– Сам знаю, что лучше, – буркнул Тристан. – Просто очень хотелось. Потому что это я ее сочинил.

И зачем он им объясняет? Глупо. Все ужасно глупо. И жить глупо, и умирать глупо. Умирать еще глупее.

Кажется, он бормотал это вслух. Вот только на каком языке? О Святой Патрик, какая разница?!

И тут стоявший на носу рослый рыбак наклонился к нему и прошептал:

– Станция Березань. Кому надо – вылезай.

«Приплыли, – подумал Тристан. – Вот уже и ирландцы у меня русский выучили!».

Глава третья,

в которой Тристан благополучно выздоравливает и наконец-то знакомится с Изольдой, но знакомство их оказывается настолько неправильным, то есть несвоевременным, что приходится бедному рыцарю уносить ноги в родную Британию, преодолевая при этом серьезные препятствия

Рыбаки рассказали королю Гормону, каким прекрасным певцом и музыкантом оказался найденный ими в лодке полуживой человек, и Гормон призадумался. Конечно, ему самому захотелось послушать неземные мелодии, извлекаемые из диковинной заморской арфы заезжим менестрелем, но менестрель лежал теперь без сознания, и ни один палец его не шевелился. Он и дышал-то уже с трудом, а лицо и все тело его распухло, словно труп утопленника. Но славные целители острова Эрин, бывало, и не таких еще с того света вытаскивали. Поэтому прежде всего распорядился король поручить несчастного менестреля заботам жены своей Айсидоры, чтобы та поскорее определила курс лечения, подобрала все необходимые снадобья и приступала к процедурам тотчас же. В помощь ей были выделены для начала три девушки, сведущих во многих тонкостях медицинской науки, а потом...

Вот на потом у короля Ирландии Гормона созрел интересный план.

– Айси, – сказал он жене своей, входя в Медовый Покой замка Темры, – я придумал, как нам совместить приятное с полезным, точнее, полезное с полезным, а ведь такое особенно приятно. При этом одною стрелой мы поразим даже не двух, а трех диких уток. Посуди сама: не пристало тебе тратить свое драгоценное королевское время на никому не известного здесь менестреля. Твое дело, твоя обязанность как обладательницы тайного знания – положить начало, то есть спасти жизнь этому юноше, а все дальнейшее пусть доделает другой человек. Угадай кто. Правильно! Наша дочка – прекрасная юная Изольда. Она давно мечтала учиться музыке, а к своему искусству врачевания ты, Айси, приобщала ее с детства. Так пусть же попрактикуется всерьез. Логично? Логично. А заодно этот бард будет выздоравливать и учить ее музыке. Музыка, врачебная практика, здоровье барда – три дикие утки. Твое свободное время можно считать уже четвертой птицей, которую я предлагаю подбить. Неплохо?

– Неплохо, – согласилась Айсидора. – Как, говоришь, зовут этого менестреля?

– Тантрис.

– Странное имя. Он что, индус?

– Не похож. Очень светлый, – сказал Гормон. – Я имею в виду волосы. Лицо-то у него сейчас совсем непонятного цвета.

– Индусы тоже бывают светлыми, – со знанием дела сказала Айсидора.

Эх, ведали бы они, король и королева Ирландии, поклявшиеся перед образом Святого Патрика отомстить убийце Моральта, ведали бы они, какого именно «индуса» пригрели у себя в замке. Но Тристан, назвавшийся Тантрисом, как ему казалось, весьма остроумно, на лицо был решительно неузнаваем, а голос его тем более знали немногие. Поэтому лишь на семнадцатый день зашедший в покои принцессы сенешаль Гхамарндрил Красный, взглянув на боль-

ного барда, почуял что-то неладное, не то чтобы признал наверняка, а вот почуял, как собака. По запаху. Однако к этому времени прекрасная белокурая Изольда уже неплохо подлечила Тристана. Он не только вновь шустро перебирал пальцами струны, он уже пел чистым голосом, сгибал ноги и руки и свободно раскрывал и закрывал глаза. Глаза-то его, наверное, и навели на подозрение сенешаля по имени Гхамарндрил. С глаз-то все и началось.

Двумя днями раньше, когда юная Изольда, которую Тристан до сих пор узнавал лишь по голосу да по мягким прикосновениям нежнейших пальчиков, разрешила ему снять с глаз защитную повязку, промыть их водой и наконец вновь увидеть солнечный свет. Тристан увидел нечто большее, чем этот свет, и так разволновался, что уже через секунду вновь потерял сознание. Изольда даже испугалась. Неужели она что-то делает неправильно? Но причина обморока юноши крылась совсем в другом, и догадаться об этом принцессе было никак невозможно, а если бы кто и объяснил, она бы все равно не поверила.

Тристан узнал ее. Вернее Иван узнал. Это была его любовь. Московская любовь.

Он встретил ее на улице год назад. Ну да, за год до смерти. И в один миг понял тогда, что жить без нее уже не сможет. Поначалу сам пытался уверить себя, что это позерство. А как иначе? Нормальный молодой цинизм конца двадцатого века. Понравилась баба. Ну о-о-очень понравилась. Ну просто потрясная баба – на обложку «Плейбоя» без конкурса. Ну захотелось эту бабу так – аж челюсть свело. Все понятно. Оказалось, что не все. Оказалось совсем непонятно.

Он подошел, он попробовал познакомиться, взяв быка за рога. Ничего не вышло. Она его отвергла с царственной улыбкой, от которой он сгорел, восстал из пепла, как Феникс, и снова сгорел, чтобы стать теперь уже не привычной тварью с перышками и клювом, а кем-то, может, и летающим, но совсем иным (ангелом, что ли?). Но он ее выследил, благо умел это делать профессионально, и преследовал изо дня в день с упорством безумца и в лучших традициях прошлого, если не позапрошлого века – мягко, ненавязчиво, с робкой растерянной улыбкой и с цветами, только с цветами.

А был он «крутой»: высокий, красивый, накачанный, с языками, с карате, с приличными «бабками», со льготами всякими, какие до сих пор, даже при полном развале во всей стране, предоставляло своим сотрудникам КГБ, ну, то есть ФСБ, конечно. Перед ним любая должна была ложиться по первому требованию. А ему любую не хотелось. Даже раньше не хотелось, а теперь... Теперь он умер. Любовь – это смерть. Для всех, кроме нее.

Он напрочь потерял аппетит (фу, как тривиально!), он плохо спал по ночам (Боже, еще банальнее!), он ходил по улицам со счастливой, глупой улыбкой. Он читал о таком в книжках лет шесть или восемь назад и даже тогда чуть-чуть подсмеивался над влюбленными героями и не верил, что так бывает на самом деле, и точно знал, что с ним будет не так. А теперь ходил по Москве и благодарил Бога, в которого не верил никогда раньше, за то, что Он даровал ему, недостойному, эту любовь.

Словом, в итоге он добился своего. Маша – так звали прекрасную незнакомку – стала замечать Ивана. Чуть позже – разговаривать с ним, потом – приходиться на свидания. И они бродили вместе по улицам. И он не кидался к ней, охваченный нетерпеливой мужской грубостью, которую некоторые почему-то считают большим достоинством, он наслаждался тем, что имел, тем, что она уже отмеряла ему щедрой мерой – возможностью подолгу смотреть в ее глаза, правом слышать ее голос и рассказывать ей о себе, и узнавать много нового о ней. Это было прекрасно. Это было восхитительно!

А когда впервые он прикоснулся к ее руке без перчатки, был тихий взрыв, он даже не представлял, что у людей бывают такие волшебные руки. А собственно, разве Маша – просто человек? Нет, конечно! Она – богиня.

Они стали ходить под руку, он подолгу держал ее ладонь в своей и ощущал с неземным восторгом, как растворяется в огромном, могучем потоке тепла, потому что вечность и космос,

завихряясь мириадами маленьких галактик, текли через их сомкнутые в холодном весеннем воздухе руки. Потом он научился обнимать ее, поначалу за плечи, чуть позже – за талию, и наконец однажды прижал ее к себе всю. В тот же вечер они поцеловались. Он думал, что сойдет с ума от счастья.

Они шли к его приятелю в гости маленьким сквериком на Садовом кольце возле Бронной. Было уже темно и пусто-пусто. Он вел ее за руку по низкому узенькому заборчику, и Маша ставила ноги в линию, как балерина. Так любят играть только дети и влюбленные. А потом заборчик кончился, и она прыгнула ему в объятия, раскрыв губы навстречу. Он задохнулся.

До квартиры приятеля они добирались долго, очень долго. Было не меньше восьми остановок в пути, а в подъезде они просто набросились друг на друга, и в лифте – тоже. Приятель решил, как он потом признавался, что оба они были изрядно пьяные. Что он мог увидеть без специального зрения, которое дает людям только любовь? Им было удобно признать такую версию. Сидя перед этим у нее дома на кухне, они выпили бутылку сухого под шоколад и апельсины, но пьяными были не от этого.

Целый месяц они жили вот такими свиданиями: вечер, иногда холод, иногда ветер, иногда дождь и всегда – буйная страсть. Негде было встречаться? И это тоже, но не это главное. Просто всему свое время. Элементарная истина, которую он так хорошо понимал теперь. «Вот идиоты! – думалось про друзей, бывало, учивших его жизни. – Как много они теряют, прыгая в койку в первый же день!» А потом вдруг понял: ничего они не теряют. Нечего им терять, потому что это – о другом. Просто они не знают, что такое любовь. Просто им не повезло. Они довольствуются меньшим.

Боже, как он счастлив! Как он сочувствует всем, как он жалеет всех, кто не испытал этого! Как он любит всех!

А после настало лето, и он уехал в срочную и длительную командировку, из которой даже писать не имел права, не то что звонить.

Они встретились вновь в октябре. Судьба подарила им три дня. И опять было негде. Или просто они отвыкли друг от друга. Да нет. Поцелуи и блуждание рук по телам были все так же мучительно сладостны. Вот только мучение сделалось гораздо более явственным. Над их любовью сгустились тучи. Они слишком сильно любили друг друга, чтобы не почувствовать этого. И прежде чем Иван уехал в Чечню навсегда, он сделал Маше предложение. Господи, если бы хоть один из его друзей узнал, что он предлагал жениться девушке, с которой ни разу не был в постели! Да его бы обхохотали как инфантильного придурка и сопливого романтика. Но никто не узнал об этом. Не надо им было об этом знать. И плевать, если какой-нибудь солидный очкастый сексолог объясняет, что интимная близость после свадьбы – это медицински безграмотно и методологически неверно. Плевать. Они ведь все о сексе, а он – о любви. Где им понять друг друга?

Он писал ей с Кавказа. Теперь оттуда писать разрешили. Присутствие подразделений ФСБ в «зоне конфликта» сделалось почти официальным. До ввода регулярной армии оставались считанные месяцы. Писал он часто, как только мог. А потом началась война. Долгая, как операция без наркоза.

Из отдельной разведроты Ивана перевели в штурмовой спецназ, и под Новый год он вместе с грачевскими «соколами» принимал участие в знаменитом взятии Грозного «силами одного мотострелкового батальона». Чудом остался жив, а весной под Самашками сдался в плен по заданию Центра. Осенью сумел бежать и должен был демобилизоваться, но вышла какая-то накладка. И в очередной Новый год все повторилось, словно в дурном сне: отряд под его началом проводил спецоперацию в столице Ичкерии...

И это как раз тогда он посвятил Маше свое последнее стихотворение – «Письмо с того света»: «И будет тихо падать снег...»

Оно и получилось с того света. Потому что он уже ничего не успел отправить.

А теперь Иван открыл глаза и увидел ее – Машу. Обстановка была немножко непривычной. Мягко говоря. Огненный сноп воспоминаний ворвался в голову и расколол ее пополам.

Когда он вновь открыл глаза, прекрасное женское лицо склонилось над ним совсем близко. И он уже почувствовал тончайший, но отчетливый привкус фальши. Какой-то вселенский шутник подсовывал ему Одиллию вместо Одетты.

– Маша, это ты? – спросил он безнадежным голосом и, разумеется, по-русски.

– Он снова бредит, – сказала «Маша» по-ирландски, оборачиваясь к кому-то, стоящему позади.

Больше он не терял сознания, просто прикрыл глаза, чтобы подумать, не обжигаясь об эту ее красоту.

Сказать, что он влюбился в племянницу убитого им Моральта, было бы глупо. С другой стороны, если попробовать отвлечься от той, прежней жизни, она, безусловно, симпатична ему, то есть, по здешним понятиям, у них мог бы быть счастливый брак. И наконец, в ее поразительном сходстве с Машей есть некий знак. Безусловно, это как-то связано со всеми предыдущими чудесами: путешествие во времени, двойная жизнь, вторая смерть, зеленые глаза пророка. Он должен понять, пусть не сразу. Очевидно, получится не сразу. Тем более когда все так перепуталось и в этом, и в том мире. Он и Изольда – враги, враги кровные, они же – потенциальные любовники, и вдобавок ко всему – хитрая система отношений: врач и пациент, ученица и наставник.

«Успокойся! Неужели тебя не учили владеть собой? Учили, да еще как! И здесь, и там. Так возьми себя в руки и пойми, вдолби в свою башку: сейчас, сегодня самое главное – ваши простые человеческие, если угодно, профессиональные отношения. Все. С остальным нельзя торопиться. До поры».

И он сумел вдолбить это себе в голову. И чем здоровее становился, тем спокойнее относился к Изольде. Он уже видел массу различий между ней и своей настоящей возлюбленной. Но еще важнее – он вспомнил: прикосновения рук. Просто мягкие, просто нежные прикосновения. Просто. С Машей всегда и все было по-особенному. Потому что общались их души. А у этой точной копии не было Машинной души, а значит, и любви между ними быть не могло. Но тогда что? Неспроста же этот, с зелеными глазами, затеял такую странную карусель времен. Неспроста. Так слушай его внимательней, Иванушка!

Однако слушать пришлось не того, который с зелеными глазами, а того, который с красными волосами. Тристан уже вставал и ходил, когда однажды ему довелось случайно услышать разговор сенешаля Гхамарндрила Красного с любимой служанкой Изольды Бригиттой.

Красный на вид был мерзок: волосы его все, от макушки до подбородка, да, наверное, и ниже, имели жуткий медно-красный цвет и жесткость металлической проволоки. Нос был длинный и тонкий, глаза маленькие, глубоко посаженные, а голосом сенешаль обладал скрипучим, словно у старика. Не мог он не понимать, что родился уродом, из-за того, наверное, и зол был на весь мир. А злость до хорошего не доведет.

И сейчас праведный гнев его на Тантриса, который оказался тем самым рыцарем Тристаном – убийцею Моральта, любимого шурина короля, – этот праведный гнев был обильно приправлен кипящей неуправляемой злобой. Злоба-то и помешала сенешалю Гхамарндрилу совершить быстрый и правильный поступок в сложившейся ситуации. Пока он шипел с миловидной служанкою Изольды где-то там за ширмой, Тристан, не долго думая, в чем был одет, а был он в исподнем, прыгнул из окна и был таков.

После такого поспешного бегства недоучившего учителя и недолечившегося пациента принцессы Изольды многие согласились с догадкой сенешаля Красного. Однако были и другие мнения. Мол, не совсем здоров на голову этот юноша, вот и сбежал, окончательно помутив-

шись рассудком. Да и возможно ли, чтобы доблестный рыцарь из Корнуолла под видом какого-то чудака-менестреля целый месяц скрывался в цитадели своих же врагов. Оскорбительно для короля Гормона подумать такое, ну а сенешаль Гхамарндрил Красный – известный любитель сгустить краски и изобразить муравьишку гигантским лесным вепрем.

Меж тем Тристан в многолюдном и шумном порту Темры изображал юродивого. Натерев лицо специальными травами, измазав себя с ног до головы глиною, выпрашивал милостыню и на одежду какую-никакую монеток накланчил. А потом, уже одетый, исполнял песни по тавернам и базарам и заработал денег на оружие, ибо нельзя без оружия в путь отправляться, а украсть его считал для себя Тристан недостойным, даже в той, прежней жизни. Вот и получил он кинжал и лук со стрелами простым, честным способом. А оптический прицел к луку, состряпанный им от нечего делать еще давно, в Корнуолле, был тем единственным талисманом, который он, следуя интуитивному чувству, уволок с собой, спасаясь бегством.

На вторые сутки, идя через лес, Тристан повстречал разбойников. Те вознамерились сразу взять себе в рабство крепкого молодого человека. И Тристан сказал:

– Что ж, господа хорошие, раз такая моя судьба, видно, не миновать ее, я сдамся, вас ведь много здесь, а я один. Отчаянность – не храбрость, любили говаривать мои предки.

Улыбнулись лесные разбойники доводам молодого человека. Но продолжил Тристан:

– Однако дайте и вы мне шанс. Давайте состязаться. Пошлем вон в то дерево по десять стрел: десять я и по одной – каждый из вас. Кто точнее в итоге окажется, тому и выбирать судьбу. Идет?

На мгновение задумались разбойники, а потом главарь их смекнул, что положение их выгоднее, и согласился.

Да только не знали они, каким был Тристан виртуозным стрелком и что за лук имел при себе. В родном Корнуолле его оружие со спецоптикой так и называли – лук «Без промаха». Все стрелы практически одна в одну легли, только щепки в разные стороны летели. Разбойники и стрелять перестали, раз такое дело – все равно уже проигрыш, что зря стрелы пропадать будут. Лучше просто на чудо поглазеть.

Однако не отпустили они Тристана с миром, как договаривались. Разбойники есть разбойники, им неведомы понятия о чести, это наивный рыцарь корнуольский по молодости лет всех еще по себе мерил.

Ну, разоружили его, руки связали, примотали к седлу и повели в глубь леса. На что надеялись дикие лесные жители? На то, что станет ни с того ни с сего покорным благородный рыцарь? Впрочем, уж если при дворе Гормона не разглядели в чужеземном барде особу королевского рода, где там было чумазым уголовникам догадаться о происхождении загадочного стрелка, одетого в рубище! Силу его они видели, умения оценили и мечтали все это использовать, но по-своему, по-разбойничьи.

– Бог вас накажет, – сказал им Тристан просто.

Разбойники посмеялись. Но еще и стемнеть не успело, когда сбылось пророчество нашего героя.

Из лесной чащобы со всех сторон появились всадники, одетые скромно, но добротно, а вот кони их были поистине роскошны, и мечи и копыя ясной сталью сияли и золотой отделкой. Разбойники побросали оружие и пытались бежать, но каждого из них настигла карающая рука одного из гордых бойцов, так бесшумно и быстро окруживших банду злодеев. Тристан стоял теперь один внутри круга плотно сошедшихся людей. Передние спешили, а задние, подняв забрала, смотрели на него сверху вниз.

– Кто ты, несчастный пленник? – спросил командир отряда. – Куда путь держал?

– Я – бродячий музыкант Тантрис... – начал было Тристан, но командир прервал его тут же одним коротким словом:

– Достаточно. Я – Финн Гуммал, или Финн Благородный, вождь фенниев, и знаю обо всем, что творится под небом Эрина. Шотландцы зовут меня Мак-Гуммал, но ты можешь называть просто Финном...

«Какой еще финн, – ошалело подумал Тристан. – Что он мне голову морочит, мы же в Ирландии. И вспомнилось вдруг не к месту из «классики», из Владимира Вольфовича Жириновского: «Кто такие финны? Финны – разве ж это нация?!» Ну а действительно, поди и не было еще в те времена никаких финнов».

Однако Финн Благородный, он же Финн Мак-Гуммал, рассказывал нечто забавное. Получалось, что у них тут, в Ирландии, почти как в России: есть королевская армия, ну, то есть как бы федералы, а есть казаки, вольница – вот это как раз феннии. И эти ихние феннии посильнее наших казаков будут и поблагороднее. Отстаивают интересы народа, то бишь всей страны. Короля формально уважают, но по сути дела ни в грош не ставят. С разбойниками справляются много лучше, чем армия, да и чужеземных захватчиков первыми встречают. И при всем при том у них еще и разведка отлично работает. Финн действительно знал все о последних событиях при дворе.

– Ты не Тантрис, ты Тристан, племянник короля Корнуолла Марка и победитель героя нашего Моральта. Заметь, я говорю не убийца, а победитель. Ведь ты же в честной борьбе победил его, и я горжусь твоей силой и мастерством. А то, что женщины наши – сестра Моральта и племянница его – вернули тебя к жизни, так и то справедливо. Твой-то меч на острове Самсунга не был ядом смазан. Не прав был, значит, старина Моральт. А от эринских ядов, известно это, только эринские противоядия помогают. Вот, брат, какие дела. Я на тебя зла не держу, можешь так и передать королю своему, феннии-де целиком и полностью за мир между Ирландией и Корнуоллом, да что там – между Ирландией и всей Британией, нам еще найдется с кем воевать, даже здесь, у себя. Вот этих лесных подонков, например, надолго хватит. Зачем же благородным рыцарям друг друга в капусту рубить. Прав я, Тристан Лотианский? Или не прав?

– Ты, Финн Благородный, прав сейчас, как никто другой! – воскликнул Тристан. – Тысячу раз прав.

– Вот и прекрасно, что ты согласен! Мои ребята помогут тебе вернуться в Тинтайоль, а ты уж, брат, подумай, как сделать, чтобы между нашими странами мир установился. Много есть способов, но ты хорошенько подумай и выбери самый лучший. Счастья тебе, Тристан! Да хранит тебя Святой Патрик!

И он умчался в лес, потому что темнело уже и где-нибудь его наверняка ждали другие люди, попавшие в беду.

Двое из отряда фенниев, вернув Тристану его оружие и подарив на память ирландский меч, запалили факелы и первыми, показывая дорогу, двинулись в сторону Черного Брода, то есть порта Ат-Клиат, будущей столицы Эрина, которую безжалостные потомки англов и саксов назовут смешным для ирландского уха словом Дублин. Из этого будущего Дублина и отправлялся утром торговый корабль, державший курс на Кардуэл, знаменитую северную резиденцию короля Артура. Направление рейса, скажем прямо, подвернулось не слишком удачное, но выбирать Тристану было некогда. Главное – попасть на родную британскую землю, а уж в Стране Логров никакой путь длинным не покажется.

Глава четвертая,

в которой повествуется о злокозненности баронов, охваченных завистью, алчностью и жаждой власти, о загадочном решении короля Марка и еще более загадочном решении его племянника Тристана

От всей души радовался король Марк вернувшемуся в родные края Тристану – своему любимому племяннику. И даже не удивлялся. Он уже понял, что Тристан совсем не обычный человек. Трудно было не видеть, какие невероятные вещи удаются порой этому юному рыцарю, и король верил в его победу и в его возвращение с самого того дня, как попрощался с племянником на пустынном берегу, возле ветхой лачуги отшельника. Если б не верил, никогда бы не позволил себе оттолкнуть от берега ту ладью. Уж лучше бы сам отправился за море, в Ирландию, и там униженно просил бы у однажды победившего его Гормона всяческих снадобий для больного Тристана. Ради любимого мальчика Марк способен был и не на такое, но знал, точно знал – не понадобится это. Ведь Тристан Лотианский оказывался теперь едва ли не первым рыцарем во всей Британии. Слава о нем дошла уже и до Камелота. Приближенные самого короля Артура передавали не раз с гонцами, что ожидают они Тристана у себя, ибо найдется ему сиденье за легендарным Круглым Столом.

Вот почему король Марк не слишком удивился, завидев вновь перед собой чудесно исцеленного и возмужавшего Тристана. Не удивился, но обрадовался несказанно. Обрадовались, надо сказать, многие: Курнебрал и Эдвард Умелый, верный друг Будинас из Литана и верная подруга Луша, встретившая хозяина залиvistым громким лаем, вилянием хвоста и мокрыми неумными поцелуями.

Но были и те, кого не порадовало возвращение Тристана, – знатные бароны, придворные короля Марка, еще год назад почуявшие в юном рыцаре конкурента. Когда на знаменитом общем сборе по поводу прибытия ирландского сатрапа Моральта Тристан впервые заявил о себе голосом не мальчика, но мужа, помимо вздохов восторга и облегчения, отметил он и мрачные взгляды, полные зависти и злобы. Теперь он четко вспомнил, чьи это были взгляды. Четверо особенно близких к Марку баронов люто ненавидели юного героя. Странными были их имена для русского уха: Андрол, Гинекол, Денейлон и Гордон.

Тристан любил мысленно позабавиться с этими именами. Разгуляться было на чем. Андрол и Гинекол – это, понятное дело, андролог и гинеколог – очень милое сочетание. Вот с Денейлоном приходилось потруднее, буквально – «лишающий нейлона», ага, значит, «снимающий чулки», значит... вот оно – фетишист! Ура! Ярлык повешен. Ну а по поводу Гордона, как говорится, комментарии излишни. Джинн номер один в мире. Но и другие ассоциации вызывало это слово у Ивана. Достаточно лишь одну букву заменить... Знал бы этот надутый от сознания собственной важности и родовитости человечешко, какую именно надутость будет напоминать его фамилия через тысячу лет и через тысячу километров к востоку!

В тот исторический день, охваченный многими чувствами сразу, Тристан не понял, откуда такая ненависть в людях, в общем-то еще мало знающих его. Теперь же он стал мудрее, опытнее, а главное, пообщался с ирландскими женщинами. Ведь именно женщины судачат о подобных вещах гораздо больше мужчин.

Король Марк был уже немолод, и хотя Господь, не исключено, подарит ему еще многие годы жизни, рано или поздно он должен будет уйти и завещать свои немалые владения наследнику. Но у короля Марка никогда не было детей. Он даже не был женат, так уж сложилась жизнь. Единственным прямым наследником оказывался Андрол, приходившийся Марку родным племянником, сыном погибшего брата его Георга. И вдруг – бац! – нежданно-негаданно

появляется в королевстве новый племянник, да еще какой! Племянник по женской линии, сын любимой сестры короля Блиндаметт Белозубой. А ведь по неписанным кельтским законам, уходящим корнями в седые времена матриархата, женская линия при наследовании престола является приоритетной. Все это совершенно случайно поведали Тристану без умолку болтавшие над его изувеченной плотью прекрасная Изольда и служанка ее Бригитта.

И теперь Тристан видел, какой неизбывной ненавистью горят глаза сэра Андрола. Андрола в первую очередь, а вместе с ним и его друзей, известных далеко за пределами Корнуолла своим коварством и подлостью, – сэра Гинекола, сэра Денейлона и сэра Гордона.

В общем, когда стало ясно, что Тристан не погиб в Ирландии, как бешеная собака, а жив-здоров и только заработал новые очки в необъявленном турнире с конкурентами при дворе, Андрол на правах племянника первым заговорил с королем. Остальные только кивали и поддакивали поначалу. Но потом все разошлись, раскричались, распалились невероятно.

– Ужели хочешь ты уйти от нас бездетным, любимый дядя мой, любимый с давних пор? – так поэтично, жалостливо и тихо начал Андрол свой важный разговор.

– Да, дети мои, честно признаюсь, стар я уже для супружеской жизни, так мне кажется.

– Ах, дядя, зачем так умалять свои достоинства?! Ты еще очень силен, крепок, красив. Женщины просто засматриваются на тебя. Неужели не возжелал бы ты юную и прелестную леди, коли оказалась бы она с тобою рядом на брачном ложе тихой лунною ночью?

– Красноречив ты, Андрол, этого не отнять у тебя, но все же наследника, который родится от этой молодой красавицы, мечтал бы я сам и воспитать, а вот боюсь, не успею. Да и к чему теперь производить на свет наследника, когда вновь появился на нашей земле столь любимый мною племянник – прекрасный юноша Тристан. Разве он не достоин сделаться преемником моим во всем?

Ну наконец-то! Этого и ждал Андрол. Ему было очень важно, чтобы Марк сам первым произнес проклятое имя Тристана Лотианского.

– Тебе решать, мой король, тебе одному, – произнес Андрол скорбно, как бы и не надеясь, что дядя примет во внимание его дальнейшие рассуждения, – но все же выслушай, пожалуйста, какие мысли приходят в голову мне и моим друзьям – верным ленникам твоим, славным рыцарям Гинеколу, Гордону и Денейлону.

– Что ж, говорите, – разрешил король Марк.

– Помнишь ли ты, каким странным образом появился у нас в Корнуолле твой племянник Тристан? Охотники встретили его в лесу, и никто никогда после не видел той лодки, на которой, как он сам рассказывает, довелось ему добраться до наших берегов, когда пираты отпустили его. Да были ли вообще эти пираты и эта лодка? А сколько иноземных языков знает твой племянник, какие страшные, поистине дьявольские слова срываются иногда с уст его! Таких слов не только не знают, но и произнести не могут порою лучшие из наших толмачей и мудрецов. А как он свежеввал оленя! Ты уверен, что этому учат в Лотиане? Да и Тристан проговорился тогда – Эдвард помнит – ссылался на какую-то неведомую горную страну на Востоке. А каким невыносимым способом обучил он людей ловить рыбу! Это ты помнишь, Марк? Даже собака его с богомерзким именем Луша ведет себя не так, как все другие псы. Арфа его заговорена – обычный инструмент не смог бы издавать подобных звуков. А какую жуткую фигуру сотворил он из обычной и всем известной роты – мне смотреть на нее страшно, не то что слушать...

Андрол выдохся вдруг, и тут же возмущенный монолог его подхватил Гордон:

– Ну а как он подражает птицам! Уж не птица ли он сам в душе? Уж не грифон ли огнедышащий в него вселился?

– Не увлекайся, барон! Уж не зависть ли это говорит в тебе? – передразнил Марк. – Ведь у моего любимого племянника действительно много редких талантов.

– Талантов?! – возмутился Денейлон. – Да разве ж это таланты! Это же сплошное колдовство. Ну скажи, мой король, как мог он одержать победу над Моральтом? Только силою

магии. Почему так легко согласился Тристан на этот поединок без свидетелей? Ну и наконец, как мог он один, без руля и ветрил, переплыть Ирландское море, не умереть в дороге от ран, от голода и жажды, не пасть жертвою мстительных врагов своих и наших? Воистину он просто колдун, а вовсе не племянник твой, Марк, и покорил он тебя своими адскими чарами.

– Боже! Что говоришь ты такое?! – Король Марк начал сердиться. – Как же не племянник он мне, когда узнали его и Рояль, и Курнебрал, а Рояль камень мой собственный показал, тот самый, подарочный...

– Они не узнали его, – проговорил вдруг совсем уж странные слова Гинекол. – Они тоже были околдованы. Я видел их глаза в тот момент, я помню.

– О, мой Бог, рожденный в Вифлееме непорочною девой! – воскликнул Марк уже не столько сердито, сколько испуганно. – Что я вижу?! Зависть и злоба совсем лишили вас разума, дети мои. Нет, не откажусь я от племянника моего Тристана, не надейтесь. Не считаю и не буду считать его колдуном. А сейчас лучше идите, пока я не приказал вас выгнать из моего замка.

Бароны, подчинившись голосу разума, повернулись и ушли, но зерно сомнения заронили они в душу короля. И конечно, еще не раз возвращался он сам к обсуждению большого вопроса. И Андрол все уговаривал, все уговаривал его, а с другой стороны эти четверо привлекали на свою сторону всех прочих вассалов Марка, подговаривали их как бы между прочим советовать королю все время одно и то же – жениться, иначе-де не будет ему доверия при дворе, а если все бароны от короля отвернутся разом, то какой же он после этого король? Чем владеть будет? Только собственным замком Тинтайоль? Ну и начнется война между замками Корнуолла, да и других земель, принадлежащих сегодня Марку. Междуусобица, распри, беда. Кровь и огонь, мор и голод.

Не понравились Марку такие разговоры и позвал он к себе тогда Тристана.

– Мальчик мой, – сказал немолодой король, – нет у меня детей, и ты знаешь, что люблю я как сына одного лишь тебя. А я в свой черед не сомневаюсь, что и ты меня любишь как отца, то есть совершенно бескорыстно. Вот только люди говорят, что неправда это. Что ты, Тристан, ждешь не дожدهшься смерти моей, чтобы получить в наследство все земли, все золото, все замки мои, корабли и вассалов.

– Ты знаешь, мой король, что это ложь. Люди многое говорят понапрасну, когда дурные чувства движут ими, но чтобы люди не говорили зря и чтобы нам всем спокойнее было, посоветую я тебе, Марк: женись, действительно женись. И пусть все знают, что именно я хотел этого.

– Нет предела твоему благородству, мой мальчик. Однако на ком же жениться мне?.. Впрочем, дай мне день, и я объявлю.

Весь Тинтайоль провел эти сутки в тревожном ожидании. Минула ночь, настало утро, день прошел, и снова был вечер. И сильнее других, не находя себе места, переживали заговорщики – четверо коварных баронов. Они уже чувствовали, что злой лотианский колдун, как звали они меж собою Тристана, вновь проведет их, только пока не могли понять, каким же образом.

А Тристан удалился к себе, в небольшую комнату рядом с королевскими покоями, и долго сидел там у окна в печали. Он еще не мог понять, что за неприятности сулит ему решение короля, но гнетущее ощущение большой беды надвигалось, как мрачная ночная электричка с выбитыми фарами, ползущая из темной мерцающей путаницы рельсов и проводов медленно, почти бесшумно, слепо, неотвратно и страшно.

В такие минуты он обычно доставал свою реликвию – непонятным образом оказавшийся в его новой одежде старый потертый бумажник из двадцатого века. Не все уцелело в нем. Военного билета, например, не было, и зеленая бумажка с портретом мистера Франклина улюлюкнулась куда-то, лежали там лишь сиротливая мятая купюра старого образца достоинством в десять тысяч рублей, записка с непонятно чьими телефонами и – главное – маленький кон-

вертик с ее фотографией и отрезанным тонким локоном золотых волос. Фотография просто чудесная, а локон... Ивану еще там, в Чечне, было стыдно, он никому не говорил, но перед каждой ответственной операцией, перед каждым боем целовал этот локон, как талисман, быстро, тайком и всякий раз испытывая сладкую дрожь, то ли от накатывавших воспоминаний, то ли от страха быть застуканным. Вот дурачок! Если б он только мог знать, что и как делали перед боем другие. А впрочем, это действительно слишком интимно – об этом не говорят.

Перед последним боем он забыл поцеловать локон, точнее, просто не успел – подняли ночью, а когда спящего будят криком «Боевая тревога!!!», гораздо важнее правильно намотать портянку, а не целовать какие-то волосы, ведь от портянки может зависеть твоя жизнь, а от локона золотых волос... Как выяснилось – тоже.

Он достал теперь конвертик и раскрыл его, как бы спрашивая помощи у Маши. Он уже не первый раз здесь, в Тинтайоле, разговаривал с ней на полном серьезе, ведь Маша знала всю эту жизнь гораздо лучше его, она это в институте изучала, именно этот период, именно эту страну, а он и в объеме средней школы слабо помнил, в кого в итоге превратились древние кельты и куда завел пресловутых логов старый авантюрист король Артур.

– Ну что, Машуня, как мне быть теперь? Что сказать королю? Что еще посоветовать?

Он говорил вслух и по-русски. Если кто слушал его сейчас, наверняка плодились опять легенды о его безумии или о его чародействе. Но он плевать хотел на все это в такие минуты.

– Ответь мне, Маша!

Маша не ответила, но в тот же миг в окно влетели две ласточки. Маленькие очаровательные птички. Ничуть не пугаясь человека, сели на стол перед Тристаном и сказали дружно:

– Фью-фью!

Тристан языками птичьими владел в совершенстве и ответил ласточкам:

– Фюить-фюить!

И тогда одна из них подскочила к заветному конвертику, взъерошила перышки воинственно, да и выхватила золотистый волосок из Машиного локона. Вторая попыталась отнять добычу у подружки, они заверещали, принялись играть в догонялки, поначалу рассекая с тихим свистом пространство комнаты, а затем вылетели в окно, и след их быстро простыл в глубокой синеве вечеряющего неба.

«Что бы это значило?» – подумал Тристан.

Однако на душе его почему-то сделалось легче.

Он вышел из комнаты и неожиданно услышал, как легко и звонко рассмеялся чему-то король Марк, находившийся в своих покоях, а меж тем объявленные им сутки как раз подошли к концу. И Марк вступил в залу, и созвал всех баронов, и начал говорить:

– Сеньоры мои, обещаю вам, я женюсь, чтобы продолжить славный род королей Корнуолла. Но жениться я готов только на одной женщине, на одной-единственной в целом мире, и кто-то из вас найдет ее для меня.

– По каким же приметам искать нам эту женщину, Марк? – озадаченно спросили бароны.

– А вот по каким! – улыбнулся король. – Только что залетели ко мне в комнату две дивные ласточки, очевидно, заморские. (Тристан вздрогнул.) Они играли, и одна из пташек выронила вот этот божественной красоты золотой волос, подобный лучу весеннего солнца. (Тристан пошатнулся и чуть не упал.) Я готов жениться только на женщине, которой принадлежит этот волос.

Бароны зашумели, зароптали. Ну действительно, мыслимое ли дело – по одному волосу, принесенному из-за моря птицами, найти златокудрую красавицу?

Тут-то и поняли четверо заговорщиков, как именно провели их, сговорившись, Тристан и Марк.

А Тристан довольно быстро совладал с собою.

– Я знаю, чей это волос, – сказал он громко и четко, так, чтобы все слышали. – И я разыщу для тебя, мой король, эту принцессу. Я отвоюю ее для тебя.

– Почему же ты должен будешь воевать? – поинтересовался Марк вкрадчиво.

– Потому что эта девушка – прекрасная белокурая Изольда, дочь короля Ирландии и племянница убитого мною Моральта. Добыть ее для тебя и доставить в Корнуолл мне будет намного труднее, чем даже пришлось тогда, когда я должен был вернуться живым с острова Святого Самсона или когда я должен был бежать из замка Гормона с не до конца зажившими ранами. Но я сделаю это. Я привезу златовласую красавицу Изольду тебе в королевы или умру. Даю слово рыцаря.

Приумолкли бароны, понимая серьезность момента, ибо опять молодой Тристан утирал нос всем именитым, знатным и опытным. Никто, конечно, не рискнул соревноваться с ним за право на эту самоубийственную поездку в Ирландию. Других охотников не нашлось. А четверо подлых заговорщиков снова ничего не понимали. Они же головы себе сломали, думая-гадая, каким образом погубить неуязвимого Тристана, а этот мальчишка сам с легкостью поистине необычайной посылает себя на смерть!

На самом деле Тристан был не уверен, что Марка устроит в качестве невесты белокурая Изольда ирландская, но уж очень походила она на ту, которой принадлежал в далеком и недоступном мире будущего прекрасный золотой волос. Бери, Марк, эту, местную, эринскую! Где я тебе настоящую раздобуду, ё-моё?! Да и не отдал бы я ее никому, даже тебе, Марк, даже тебе...

Глава пятая,

которая являет миру и читателю чудовище поистине немыслимое, невообразимое, способное напугать кого угодно, только не нашего славного героя

Снарядили Тристану большое торговое судно, нагрузили его медом, вином, солониной, сухим овечьим сыром, пшеницей, многими другими товарами и провиантом. И кроме Курнебрала, отправились на корабле за море еще едва ли не три десятка доблестных молодых бойцов знатного рода – на случай серьезного сражения по запасному варианту. Но основной план был у них все-таки мирным. Подплывая к ирландским берегам, переоделись все в простецкую купеческую одежду из дешевенького камлота и грубой шерсти, а также приготовились разговаривать на бретонском языке с французским акцентом. Настоящую же свою одежду, достойную посланников могучего короля, спрятали до времени в трюм.

Причалили на всякий случай в бухте Ат-Клиата, а в Темру решил Тристан идти без попутчиков. Курнебралу наказал не сходить с корабля вплоть до следующих своих указаний. И еще: ничего никому не продавать, чужого товара не покупать, но со всеми разговаривать вежливо, о капитане же, то есть о нем самом, отвечать уклончиво – мол, сошел на берег поторговаться с купцами, да, видно, решил до самой столицы дойти.

На том и порешили. Курнебрал и бойцы готовы были ждать долго, и Тристан не гнал своего коня, ехал не торопясь, дышал морским воздухом, умиротворенно мечтал о ближайшем будущем, когда ему в точности по совету Финна Благородного удастся подружить два так долго враждовавших народа. Ведь и королю Марку понравилась идея породниться с ирландцами. Последнее слово оставалось за Гормоном и его мстительной, по слухам, женой Айсидорой. Но Тристан верил, что какое-нибудь из его искусств поможет очаровать (или околдовать – какая разница?) даже ирландскую королеву, он верил, что разум восторжествует и будет еще у него возможность вернуться в Корнуолл с победой. По-другому-то никак нельзя, вернее можно, но только без чести. А об этом рыцарь, давший слово, и думать себе не велит.

Первый же путник, встреченный Тристаном на дороге, поведал ему мрачную историю о всеобщем горе, постигшем страну. Мало им, беднякам, извечных врагов – демонов фоморов, так теперь еще из Бездонных Пещер поднялся вновь на поверхность земли, как уже было не однажды (рассказывали об этом и отцы, и деды нынешних эринцев), чудовищный, ни разу никем не побежденный дракон – Дракон Острова Эрин. Требует он дани ото всех вассалов Гормона и от самого короля, требует красивых юных девушек, а в противном случае сжигает целые селения и посеы и пожирает людей без разбора – мужчин и женщин, старцев и детишек.

«Во чума! – подумал Тристан. – Неужели правда? Ведь всех этих драконов на самом деле попы и капиталисты придумали. Откуда же такое страшилище могло взяться? Динозавр, что ли, недодымерший? «Парк юрского периода»? Лохнесское диво? А что? Ведь озеро это как раз где-то здесь. Любопытно! Страсть как любопытно. А может, дракон-то эринский – и есть моя счастливая звезда?»

– Скажи, милейший, – обратился он к несчастному путнику, потерявшему свою жену и детей в пасти чудовища. – Да неужели во всей Ирландии не нашлось достойного рыцаря, готового сразиться с супостатом?

– Нашелся, конечно, и не один, – печально ответил путник. – Да, видно, прогневали мы чем-то Господа, и отвернулся от нас Святой Патрик. Все эти рыцари погибли. А дракон продолжает бесчинствовать на нашей земле.

– Что ж, – проговорил Тристан, мгновенно прикидывая план действий. – Садись, милейший, позади меня на круп. Неужто и лошадь твою тоже дракон слопал? Вот беда! Ну так покажи мне кратчайшую дорогу к логову этого зверя. А меч мой верный всегда при мне.

– А хорошо ли заговорен твой меч? – оживился путник, устраиваясь на лошади Тристана поудобнее.

– В достаточной мере, – уклончиво сказал Тристан весьма уверенным голосом.

С тем, как тут у них заговаривают оружие, он до сих пор разобраться не успел, а в прошлой жизни умел только зубы заговаривать. Зато профессионально. Разведшкола как-никак!

Вот и теперь с успехом заговаривал зубы попутчику, исповедуя главное правило любого шпиона: побольше о других, поменьше о себе.

– А какая же награда обещана, милейший, за победу над этим драконом? – поинтересовался Тристан.

– Вестимо какая. Обещал король Гормон за победителя дочь свою отдать – прекрасную белокурую Изольду. Да только смертоубийство все это. Ты смелый рыцарь, как я посмотрю, а все же лучше не ходил бы туда. Добром не кончится.

– А мне уже не важно, – ответил Тристан и добавил загадочно: – Мне так и так помирать.

– А-а, – только и протянул ирландец за его спиной. – Вот здесь бери правее. Слышишь?

За добрую версту до Бездонных Пещер несчастный вдовец попросил остановить, слез с коня и решительно заявил, что дальше не поедет.

– Воля твоя, – сказал ему Тристан и двинулся теперь совсем уж тихо, вглядываясь в происходящее впереди с предельным вниманием. А вглядываться было во что.

По дороге шагах в пятидесяти левее промчались трое тяжело вооруженных всадников с копьями наперевес. Двое впереди и один чуть сзади. Вскоре раздался свирепый и жуткий рык – по характеру отчетливо животный, а по силе звука – бомбовоз на взлете. Вспомнился анекдот, и Тристан тихо сказал вслух:

– Рядовой Дракон, заглушите двигатель!

И дракон, словно и впрямь по его шутивому сигналу, взревел с новой силой, а следом донесли до Тристана душераздирающие человеческие вопли – так обычно кричат солдаты, выпрыгивающие из горящего танка и уже сами превратившиеся в живые факелы. Еще живые.

За россыпью острых скал, покрытых колючим кустарником, видно ничего не было, только слабый отблеск пламени на фоне вечеряющего розового неба да реденькие клубы дыма.

Через несколько секунд ветер принес оттуда тошнотворный запах паленой человечины. Смертоубийство совершалось всерьез. Поорать в иерихонскую трубу можно и ради хохмы, а вот запах... Какие уж тут хохмы! Все это было на самом деле.

А еще через секунду по дороге в обратную сторону промчался один из всадников – последний, отставший и, очевидно, затаившийся на время битвы. Тристан к этому моменту спешился и подкрался совсем близко к широкому тракту, выбрав место, где чахлые кусты выбегали к самой обочине. И осторожно выглядывая из сухих зарослей, он узнал всадника – узнал его медно-красные проволочные волосы, торчащие из-под шлема, и мелкие противные глазенки в прорези забрала. Это был все тот же сенешаль Гхамарндрил Красный.

«Вот подонок! – подумал Тристан. – Небось каждый раз так ездит. Очевидно, ждет, пока какой-нибудь герой, одолев дракона в неравной схватке, погибнет от ран, тут-то красноволосый сенешаль и выдаст себя за победителя. Ах ты подлый халявщик ископаемый! Что же, хорошо, что я тебя увидел заранее, гаденыш, теперь знаю: прежде чем умереть, должен буду всяко одну стрелу оставить тебе, Красный. Я буду звать тебя только по кличке, уж больно имечко твое ломает мне язык – Гха-мар-н-дрил. Тьфу! Очуметь можно. Действительно, гамадрил какой-то красножопый. На фиг, на фиг, будешь ты у меня просто Красным, коммунака недорезанный!»

К ночи Тристан вернулся на корабль и вооружился по первому разряду. Коня одел в тяжелые латы, а себе подобрал самые прочные и легкие доспехи, дополнил обычный арсенал коротким копьем с массивным, хитро зазубренным и ядовитым наконечником, а также вторым мечом, менее привычным и удобным, но, по словам Курнебрала, обладающим большей магической силой. Клинок этот вроде бы даже светился слегка в темноте, а может, это просто полная яркая луна выглянула вдруг из-за туч.

Кроме Курнебрала и еще одного не дремлющего на посту бойца, никто не видел внезапно вернувшегося Тристана, но даже верному оруженосцу своему не стал он сообщать о том, куда едет. Почему? Ведь проще было бы взять его в помощь. Но Тристан чувствовал: он должен ехать совсем один. Так надо.

И очень скоро убедился в правоте своего ощущения.

Светало. Из-за поворота лесной дороги навстречу ему выехал знакомый всадник – широкоплечий, красивый человек с царственной осанкой.

– Привет тебе, Тристан Лотианский, – сказал он, поднимая забрало и оказываясь Финном, вождем фенниев.

– Привет тебе, Финн Мак-Гуммал. Я прибыл вновь...

– Остынь. Ты уже должен был понять, как работают здесь мои люди. Я знаю не хуже тебя самого, когда ты прибыл, зачем и куда направляешься сейчас.

– Ты пришел помочь мне?

– Да, Тристан, но не так, как ты думаешь. Я сам никогда бы не вышел на битву с таким драконом.

– Отчего же? Разве тебе не хватает смелости?

– Тут не в смелости дело. Чтобы драться с непобедимым врагом, мне просто не хватает глупости. Понимаешь.

Он очень приятно произносил это свое любимое словечко. Не как Ельцин – в качестве слова-сорняка, и не как раздражающий вопрос, задаваемый недоумку. Он говорил с мягко-утвердительной интонацией, дескать, пусть это будет наша общая тайна.

– Вот послушай одну историю, которая приключилась со мною несколько лет назад, – предложил Финн. – Я воевал тогда в Северной Шотландии вместе со скоттами и пиктами против лохланнахов, ну то есть норвежцев. Понимаешь. В общем, заманили меня эти лохи хитростью в свой замок, без оружия и друзей. Я к ним пошел, как благородный человек к благородным людям, я не ждал от них подлости, я ждал угощения и разговоров. Нам было о чем

поговорить. Они же, оказывается, решили меня убить, но не на поле брани, а гнусно, исподтишка. Думаешь, я погиб тогда? Да нет же, вот он я – стою совсем живой здесь, перед тобой. Безмозглые норвежцы долго ссорились друг с дружкой, каким способом меня умертвить, и надумали – отдать Страшной Собаке. Ибо не знали они зверя более свирепого и лютого, а у нас, ирландцев, ничего нет позорнее, как погибнуть от зубов пса. Так вот. Все это предусмотрел мой шут по имени Фурбор – карлик, кривой, уродливый, полный дурак. Никто его никогда не слушал, только для смеху, а я вот первый послушал всерьез. Люди поговаривали, что втайне от всех занимается мой дурачок Фурбор колдовством. В общем, по его совету взял я с собой золотой ошейник любимого пса своего Бруна. Казалось бы, зачем рыцарю пустой ошейник, а – пригодился. В мрачном Ущелье Дьявола укротил я Страшную Собаку. Она сама поползла ко мне, едва почуяла запах, идущий от золотого ошейника. И люди потом говорили, что всему причиной собачье родство: мой Брун и Страшная Собака от одной суки, мол, родились и в одном помете вскормлены были. Но ведь ты, Тристан, хорошо знаешь собак. Вот и скажи мне, имеет между ними родство хоть какое-нибудь значение?

– Никакого, – подтвердил Тристан.

– Вот именно. А значит, дело было в другом, то есть в колдовстве.

– И где сейчас этот карлик Фурбор? – любопытствовал Тристан.

– Кто его знает? Давно исчез. Я же говорю, он дурачок полный.

– Тогда зачем ты мне рассказывал так долго свою необычную историю, друг мой Финн?

– А тебе пока торопиться некуда, – улыбнулся предводитель фенниев. – Уж я-то знаю.

Тебе сейчас главное надо понять: Дракона Острова Эрин невозможно победить никакой силой, если это будет просто физическая мощь, потому что на любую силу он найдет свои две. Этого дракона можно одолеть исключительно с помощью магии.

– И ты считаешь, Финн, что я владею магией?

– Люди говорят... – неопределенно откликнулся вождь фенниев.

Тристан задумался, а тем временем Финн достал маленький кожаный мешочек и протянул молодому рыцарю:

– Возьми. Самое главное – вот здесь.

– Что это?

– Не знаю, – честно признался Финн. – Велели передать тебе непосредственно перед битвой. Наверное, в этом кошельке и скрыто твое магическое оружие.

Мешочек оказался тяжелый, и внутри было твердо, словно лежали там слипшиеся в единый ком золотые монеты. Тристан хотел развязать бечеву, но Финн резким, протестующим жестом вскинул руку:

– Нет! Нельзя. Только когда останешься один на один с драконом.

– Да кто же это передал мне, Финн?

– Белобородый старик с яркими зелеными глазами.

Тристан вздрогнул и чуть не уронил мешочек.

– С какими, говоришь, глазами?

– На острове Эрин очень много людей с зелеными глазами, – улыбнулся Финн Благородный.

– Но не с такими же яркими, как у того старика, – улыбнулся в ответ Тристан.

– Ты прав, брат мой. Таких ярких глаз я больше ни у кого не видел. Никогда. Этот белобородый был очень похож на друида или филида, ну, то есть на мага. Понимаешь.

Он помолчал.

– Тристан, а хочешь, расскажу тебе еще одну историю? Время есть, да и совсем коротенькая она. Этот зеленоглазый предсказал мне будущее. Оно печально, Тристан. Когда я стану уже немолодым, а страну нашей будет управлять новый король по имени Карман, я полюблю его дочь, прекрасную хрупкую Грайне, и возьму ее в жены. Но эту же девушку полюбит мой доро-

гой племянник Диармайд О'Дуйвне. Конечно, она предпочтет молодого парня старику Финну. Однако мой благородный племянник будет отказываться от любви Грайне, и тогда красавица произнесет над Диармайдом гейс, и они сбегут из Темры прямо во время свадьбы и будут скитаться по лесам, предаваясь греховным уладам. Я буду преследовать их, наконец настигну и подстрою так, что Диармайда растерзает Зеленый Гульбайнский Кабан, а божественную Грайне в припадке ревности я убью собственным мечом. Понимаешь. Меж тем зеленоглазый добавил, что жизнь еще может сложиться по-другому: мы все трое простим друг друга, Грайне останется со мной, а Диармайд уедет далеко-далеко. Такой радостный финал тоже реален, только для этого я должен сегодня помочь тебе, а ты, брат мой, просто обязан победить дракона. Вот и все. Не подведи, Тристан Лотианский! Ну, теперь пора в дорогу. Удачи тебе!

Несметное число трупов лежало подле входа в Бездонные Пещеры, обгорелых и почти высохших, вспухших и совсем свежих. И вдобавок чудовищным смрадом – нет, не трупным, каким-то другим, понятным, но напрочь забытым – тянуло из подземелья. Тристан на всякий случай не стал подходить слишком близко и, сохраняя дистанцию, достаточную для маневра, крикнул:

– Выходи, скотина! Поганка мерзкая, выползай!

Батюшки! Да он кричал по-русски! Еще немного, и опять сорвется на матюги. Нужно это? Может, и нужно.

– Выходи, сволочь! Это я – лейтенант спецназа ФСБ Горюнов Иван Николаевич. Пришел сразиться с тобой в честном бою, бляха-муха!

И что это его вдруг понесло? Ох, неспроста, наверное!

А потом рев зверя разорвал тишину, и Тристан невольно отпрянул, когда еще только башка гадины высунулась на свет Божий.

Ё-моё! Неужели это по правде? Неужели я не сплю?

Складчатая, заросшая шерстью морда размером с голову средних лет слоненка смотрела на него пустыми фасетчатыми глазами и уже начинала скалиться, посверкивая в поганой рыже-зелено-бордовой пасти желто-серыми, гладкими, острыми, откровенно пластиковыми(!) зубами. Два мерзких волосатых рога, похожих на клювы марабу, воинственно торчали изо лба вперед и вверх. Тяжелые мохнатые лапы завершались ржавыми(!) крючьями когтей, а огромное верткое туловище с непонятно как крепившимися к нему кожистыми крыльями все целиком, от шеи до кончика длинного змеиного хвоста, покрыто было крупными, примерно в ладонь, блестящими стальными(!) пластинками. В общем, это был очевидный киборг, биомеханический, биоэлектронный робот. Бедные наивные ирландцы! Уроды в жопе ноги! (Кажется, так говорили в его московской школе в подобных случаях.) Какие уж тут отравленные копыта и заговоренные мечи! Тут артиллерия нужна, лучше всего – танк, а на худой конец сгодились бы наплечная пушка типа «стингера».

Тристан спрыгнул с коня, скомандовал ему «бежать», потом отбросил оружие в сторону, дабы не мешалось, и сделал шаг навстречу чудовищу. Дракон откровенно растерялся, насколько можно было прочесть растерянность по фасетчатым бельмам и замершей полураскрытой пасти. Компьютер внутри этой паскуды, очевидно, не программировали на подобные нестандартные взбрыки.

Чье же больное воображение, на какой планете, в каком искаженном мире создало эту нечисть? А главное – какому гаду пришло в голову засылать натуральное исчадие кибернетического ада именно сюда?

Ну-с, пора, Иванушка! Ты один на один с тварью.

Коротким быстрым движением распустил он шнурок и, еще только запустив руку в кожаный мешочек, еще не вытащив ничего на свет, узнал, узнал, едва прикоснувшись, и задрожал от счастья, и выдернул кольцо, не теряя уже ни секунды...

Ручная противопехотная граната Ф-1. «Лимонка». Прелесть моя! Какая же ты приятная на ощупь!

А чудовище как раз сориентировалось и уже разинуло пасть свою во всю ширь, горло его раздулось, открывая путь внутрь, широкий и жуткий, как печная труба сгоревшего дома, то ли для заглывания жертвы, то ли для того, чтобы выплюнуть струю напалма. Но ни того, ни другого сделать оно не успело, потому что в силу изначальной придурковатости «лимонку» угрозой не считало. А зря.

Тристан метнул ее точно во чрево гада, сам себе скомандовал «Ложись!» (привычка – вторая натура) и бухнулся лицом вниз на жухлую траву среди уже выбеленных дождями скелетов и еще гниющих трупов.

Взрыв последовал на счет «четыре», как и положено, а на счет «шесть» Тристан позволил себе поднять голову. Дракон завалился на бок и лежал недвижно с большими рваными дырами в брюхе и в шее, с лопнувшими глазами и с пастью, словно вывихнутой в отчаянном зевке. Но панцирь его проклятый из этой стальной чешуи ничуть не пострадал. Вот они, технологии будущего, твою мать! Вот на какое мракобесие работают светлые головы инопланетных очкариков!

Тристан вдруг вспомнил, что у этих бриттов и скоттов полагается вырезать жертве язык, иначе хрен кто поверит, что ты и есть победитель. И он решительно подошел к поверженному роботу. Язык был настоящий – мягкий, скользкий, кинжал отхватил его с легкостью, вот только слизь потекла такая, что и кожаные перчатки поплыли, грозя через минуту полностью раствориться. Олеум, что ли? – вспомнилось какое-то умное слово из школьного курса химии. Но тут дракоша предсмертно вздохнул, то есть все-таки выпустил струйку газа изо рта. Нет, не горящего и даже не горячего, но вонючего чудовищно. Тристан отпрянул, мгновенно вспомнив запах по давним полевым учениям с применением боевых отравляющих веществ. Вот чем тянуло из пещеры-то...

Фосген. Чуть сладковатый, дурманящий, тошнотный запахок гниющего сена. В малых дозах. А в больших – никакого запаха уже не почувешь – будет только першение в горле, слезы, сопли и наконец удушье. Отек легких.

Про отек легких Тристан вовремя вспомнил. На неверных уже ногах рванулся, задержав дыхание, и побежал в сторону леса, на ходу заворачивая язык в какие-то попавшиеся под руку тряпки, а потом упикивая трофей в сумку, простую кожаную сумку, и уже понимая, что все это не поможет, потому что ОВ есть ОВ – отравляющее вещество. Ладони жгло отчаянно, в глазах темнело, горло сжимали спазмы. «Вот сволочь зеленоглазая! – думал он. – Лимонку дал, а противогаз – нет». И еще прикидывал Тристан, где бы тут у них взять полиэтиленовый пакет, обычный полиэтиленовый пакет, завязать узлом – и все в порядке. «Вот зараза белоборода! Не мог вместе с лимонкой прислать тривиальный пластиковый мешок для мусора!»

А из языка-то не просто кислота сочилась, что-то еще похуже, уж не иприт ли?

«Что же за параноик изобретал этого робота массового поражения? И что за параноик закинул меня сюда? Сколько раз я должен умирать? Сейчас уже третий. А сколько всего? Где-то, помнится, читал, что всего бывает девять. Больше никак нельзя. И язык бросить тоже нельзя. А как хочется зашвырнуть его к едрене-фене! Но без языка куда теперь идти? Без языка возвращаться глупо. Ах, какое многозначное слово! «Идите, лейтенант, и без языка не возвращайтесь». Откуда это? А ведь точно классика какая-то. Или вот: Владимир Галактионович Короленко. «Без языка». Повесть. В смысле по-английски ни бум-бум. Но он-то теперь на тридцати языках, включая, прости Господи, скоттский и аттекотский, на тридцати, если не больше, наречиях такое бум-бум выдаст. Ну, прямо бум-м-м, бум-м-м, бум-м-м. Как колокол. Вот, кстати, о колоколе. Тоже бывает без языка. «Колокол без языка, как изба без дурака». Это еще что такое? Старинная русская пословица. Да нет, пожалуй, совсем новая. Только что придумал...»

Он бредил. Он бредил, уже не понимая, что бредит. И значит, скоро все – полная темнота. За несколько секунд до того, как сознание его окончательно погасло, Тристан успел услышать цоканье копыт по тракту и догадался, кто это, и подумал, что так и не сумел выпустить последнюю стрелу по Гхамарндрилу Красному. Зато теперь он научился без запинок произносить его имя.

И еще кое-что успел Тристан – упасть в кусты, чтобы Красный счел его мертвым, если все-таки заметит, проезжая.

Глава шестая,

в которой Тристан и Изольда наконец-то узнают друг друга, но это поначалу не сулит им ничего хорошего, кроме новых проблем, каковые и разрешаются, как всегда, в лучших традициях местного высококультурного населения – методом отрубания чьей-нибудь головы

Очнувшись, Тристан услышал голоса. Глаза его, видимо, пострадавшие от ядовитых газов, были накрыты влажной прохладной повязкой, и видеть он, как и в прошлый раз, ничего не мог. Руки-ноги в принципе шевелились, но слабость ощущалась прямо-таки ватная. Впрочем, ни тошноты, ни боли, ни озноба – спокойно и хорошо. Он прислушался. Говорили в том числе и о нем, причем так, словно его в помещении не было. Что ж, понятно, ведь души его и в самом деле еще минуту назад здесь не было – только тело.

Два голоса различил Тристан: один – хорошо памятный ему, ласковый, мелодичный – служанки Бригитты, и другой – тоже женский, но твердый, властный, необычайно красивый. И еще не услышав обращения по имени, он уже догадался, что это сама королева Айсидора. На этот раз именно она, собственной персоной, лечила Тристана. Очевидно, случай оказался настолько тяжелым, что исцеление поручили непосредственно главному в стране специалисту. Впрочем, постепенно из разговора – долгого и богатого на подробности – он понял, что дело в другом: Тантрис, как его здесь называли, до зарезу требовался живым, требовался всей Ирландии, и в первую очередь – принцессе Изольде. Ведь ситуация сложилась вот каким образом.

Почти сразу после его для многих таинственного исчезновения из Темры странная хворь овладела юной Изольдой. Словно подменили ее. Проснувшись однажды утром, она вдруг перестала узнавать родных и друзей, не понимала многих простых слов и почти не помнила не только детства своего, но и всего, что случилось с нею накануне или несколько дней назад. По причине такого необычного состояния Изольда практически не выходила из личных покоев, подолгу лежала, временами засыпая, ела крайне немного и без удовольствия, а единственное, что как-то оживляло ее – так это музыканты и менестрели, коих просила она звать к себе по нескольку раз на дню, и, бывало, сидели они у ее постели долго-долго, потому что принцесса не только слушала их песни, но и разговаривала с ними, обрушивая на гостей ворох разнообразных вопросов, иные из которых не могли не удивить: «В каком году я родилась?», «Кто у нас король?», «А как вы называете это море?»

Королева Айсидора не сумела разгадать природу внезапного недуга любимой дочери, но верить в предположение сенешаля Гхамарндрила ей тоже не хотелось. Тот уверял, что Тантрис – на самом деле Тристан Лотианский, а Тристан Лотианский – известный колдун, значит, это он и навел порчу на принцессу. Объяснение было слишком простым, снятие порчи не являлось для Айсидоры чем-то особенным, задача понятная и в общем-то легко решаемая. Однако традиционные заговоры, травы и настои помогали Изольде слабо, а окуливание серой вызывало только кашель. И королева призвала друидов. Друиды посмотрели, посоветовались и погрузились в состояние легкого замешательства, напугав этим всех вокруг. Ощущение было такое,

что мудрость их, копившаяся веками, натолкнулась вдруг на препятствие, порожденное еще более древней мудростью. Но потом один из знатоков прикрыл глаза на короткое время, беседа с духами Аннона, а когда вновь поднял веки, уже был готов передать главное, что нашептали ему потусторонние силы:

– Чары великой магии лишили памяти дочь твою, Айсидора. Но эти же чары и вернут ей все. Сейчас не время предаваться печали. Потому как уже очень скоро Изольда вспомнит все, о чем забыла в ту роковую ночь. – Потом помолчал и добавил странную фразу: – Она даже вспомнит то, о чем никогда не знала. Слушай меня, королева Айсидора, что-нибудь вновь может показаться тебе загадочным в поступках или словах твоей дочери, но постарайся не перечить ей. Больше – ничего.

И друиды ушли, как водится, ни с кем не попрощавшись.

А принцесса действительно быстро пошла на поправку. Начала петь, смеяться, кушать с аппетитом, совершать верховые и пешие прогулки. И сенешаль Красный, видя все это, вновь злобно шипел в стороне:

– Ну ладно, ну ошибся я. Бывает. Порча – не порча, но было же колдовство какое-то. А почему? Почему так подвержена принцесса влиянию темных сил? Да потому, что замуж ей пора. Молодая кровь играет, шалит, покою не дает. Замуж ей пора. А кто лучший жених в королевстве? Я, конечно.

Сенешаль не раз уже подкатывал к Гормону с таким предложением, но король мудро тянул время, догадывался, наверное, о лучшей доле для своей дочери. Сама же Изольда дрожала от омерзения при виде Гхамарндрила. Папаша такие нежности в расчет, разумеется, не принимал, а вот мать, особенно после слов друида, заняла общую с дочерью позицию и твердо решила под любым предлогом за сенешаля Изольду не отдавать.

С выздоровлением девушки проблема отошла на задний план как бы сама собою. Красный выжидал нового повода для атаки, Изольда пела по вечерам песни, в которых мечтала о красивом молодом короле – правителе далекой заморской страны.

Тут-то и обрушилась беда на остров Эрин. Вылез из Бездонных Пещер проклятый дракон, зверь рыкающий, неистребимый монстр...

Вовремя прокравшийся к месту битвы сенешаль Гхамарндрил Красный видел, как полетел во чрево дракона загадочный металлический предмет, напоминающий головку палицы, но когда чудовище внезапно изрыгнуло гром и молнию, сенешаль смекнул, что Тристан-Тантрис упал не от слабости, а от хитрости, и поспешил повторить действие опытного бойца. Перепуганный насмерть, он еще долго-долго вслушивался в тишину, не решаясь даже поднять головы и боясь поверить в то, что бой окончен. А уж потом, разумеется, Красный преспокойненько отхватил мечом голову побежденному чудовищу. Дождался-таки, мерзавец, своего звездного часа. Но то ли не удосужившись, то ли убоявшись внимательно оглядеть поле недавней битвы, решил он не уточнять судьбу отважного Тристана, а быстро прикрутил добычу к седлу, и, поскольку фосген – газ весьма летучий, сенешаль отравления не получил, жалкие же остатки ядовитой дряни выдуло ветерком по дороге. В общем, в королевский замок Темры наш псевдогерой приволок уже вполне достойный трофей, не представлявший ни для кого опасности.

Гормон как человек благородный вынужден был поверить в победу Гхамарндрила, однако легкая тень сомнения все же зародилась в душе короля. С чего это вдруг такая удача? Почему раньше не мог победить? Какие тайные способности помогли сенешалю выиграть битву? Ну а Изольда, которой надлежало теперь идти с красноволосым уродом под венец, не хотела верить ни за какие жемчуга, будто Гхамарндрил способен оказался не то что победить, а даже просто сразиться с драконом. Слишком хорошо она знала этого труса и наглеца.

До назначенной свадебной церемонии оставалось всего три дня. Следовало что-то делать. То есть не что-то, а совершенно ясно что – искать настоящего героя или хотя бы доказательства

того, что герой этот был, если погиб, например, в ходе боя. Короче, еще солнце не начало клониться к западу, когда Изольда, взяв с собою двух слуг – могучего Периниса и преданную смекалистую Бригитту, поскакала к Бездонным Пещерам.

Без любимой камеристки принцесса, по обыкновению, не отправлялась никуда, а Перинис на сей раз требовался ей, разумеется, просто как грубая мужская сила. Он один стоил двоих, и это было особенно хорошо, ведь в другой ситуации Изольда позвала бы с собою целую команду вышколенных охранников – на такое-то опасное дело! Дело, однако, представлялось не только и не столько опасным, сколько деликатным. А Периниса Изольда считала единственным из своих слуг, кому могла довериться. Во-первых, он не славился излишним умом и, следовательно, хитростью, а во-вторых, боготворил хозяйку за то, что она многое позволяла ему, а зачастую и покрывала «негодного мальчишку», когда его озорные проделки уж слишком досаждали кому-нибудь из высшей знати.

Проделки же молодого слуги не отличались большим разнообразием. Если и дрался с себе подобными – только из-за женщин, а чаще вовсе избегал общения с мужчинами и совращал, совращал, совращал подряд и без разбору рабынь и баронесс, юных девушек и солидных дам. Талантлив был в этом и природой, мягко говоря, не обделен физически. О размерах его «мужского достоинства» по королевству ходили слухи. Согласно некоторым из них утверждалось, будто имя свое приобрел Перинис как раз благодаря небезызвестному органу. Родом он был из Италии и, не ведавший настоящего имени своего, данного матерью, среди рабов получил латинское прозвище Пенис. А позднее бежал из-под хозяйского гнета и, скитаясь по королевствам и герцогствам Европы, однажды услышал от образованной девушки-хохотушки, что означает на самом деле такое красивое на первый взгляд звуко сочетание. Впрочем, юный Пенис не только имя свое, но и предмет, его породивший, считал весьма красивым, однако, от греха подальше, все же решил переименоваться. А поскольку арморикскую красавицу, открывшую ему глаза на правду, звали коротко и звучно – Ри, он и надумал вставить это «ри» в середину своей клички. Новое прозвище устраивало всех и осталось с ним до конца жизни.* * *От королевского дворца до страшного логова дракона было совсем недалеко – полчаса хорошей езды, не больше, да и Тристана нашли они почти сразу. Перинис бывал там не раз, сопровождая разных рыцарей, и совсем недавно приезжал, поэтому он и заметил первым новую жертву чудовища – скрюченное за кустами тело в легких красивых доспехах и с мечом, упрятанным в ножны. По всему видно: рыцарь. Жизнь еще теплилась в нем. Тут и Бригитта подросла.

Опухшее лицо несчастного имело жуткий черно-лиловый цвет, даже руки посинели – страшнее, чем в прошлый раз. Еще бы: куда там древним ирландским ядам до фосгена! Однако служанка принцессы по отдельным мелким приметам, ведомым лишь ей да ее хозяйке, узнала в полуживом герое давешнего менестреля Тантриса. Да, именно с этим телом пришлось ей повозиться не так давно, когда принцесса проводила свой курс лечения. А менестрель к тому же весьма понравился Бригитте, можно сказать, камеристка влюбилась в него, поэтому теперь она готова была поклясться на Библии, что путаницы тут никакой нет.

Однако сама королевская дочка, и в этом Бригитта тоже готова была поклясться, Тантриса не узнала. Замечания своей служанки о шрамах и родинках пропустила мимо ушей, а потом... Ну, будто вернулась вдруг к Изольде странная хворь ее: глаза безумными сделались, губы непонятные слова забормотали, а все члены принцессы охватила сильнейшая дрожь. Словом, через какую-нибудь минуту Изольда потеряла сознание, и пришлось Бригитте с Перинисом везти в замок не одно, а целых два недвижимых тела. Да еще этот чертов язык зловонный, который даже через две сумки и толстую попону благоухал так, что любого нормального человека с души воротило. Ну ничего, доехали. Оставалось теперь только вылечить Тантриса за три дня, чтобы он был полностью в форме и мог на поединке с сеньшалем доказать свою правоту. И за здоровье барда-героя взялись всем миром, всерьез.

Изольда пришла в чувство, призвала матушку, объяснила случившееся как могла и, ссылаясь на острую головную боль, удалилась к себе. Лечение проводили, используя все самые могучие средства и чудодейственные способы, и, как понял теперь Тристан, к сроку успевали, хотя и не знал точно, сутки прошли или уже двое. Однако сейчас он был в сознании и тело свое ощущал вполне здоровым, значит, сумеет выйти на бой с подлым сенешалем.

Королева, узнав от Бригитты все, что ей было необходимо, удалилась, и вскоре вместо нее появилась сама Изольда с двумя девушками-помощницами. Ничего этого Тристан по-прежнему не видел – только слышал и догадывался по голосам.

Но вдруг он осознал, что не в постели лежит, а полусидит на дне какой-то емкости с теплой водой. От внезапности такого открытия и не к месту нахлынувшего стыда (столько девушек вокруг, а он совершенно голый!) Тристан застонал беспомощно и спросил:

– Где я?

Девушки все радостно зашумели, наперебой объясняя воскресавшему герою, что с ним произошло, но в этот момент дверь открылась и раздался высокий мужской голос, тоже знакомый, слишком хорошо знакомый – голос Гхамарндрила.

– Изольда! – сказал он. – Поди-ка сюда. Советую тебе повнимательнее оглядеть меч этого, с позволения сказать, менестреля.

– А что такое? – встрепенулась принцесса.

– Говорю же, подойди поближе. Видишь зазубрину? Такие остаются на боевых клинках рыцарей от сильнейших ударов о шлемы врагов. Тебе это ни о чем не говорит? Я, между прочим, даже сейчас отлично представляю себе форму того кусочка стали, что извлекли мы из черепа дяди твоего – славного Моральта, а ты, дорогая, спрятала его в свой заветный ларец из слоновой кости, напоминающий по форме маленький ковчежец для мощей. Подсказать тебе, где ты хранишь его?

– Подскажи, – как-то растерянно и без тени издевки попросила Изольда.

– Да за своей же постелью и держишь! – вскрикнул визгливо Красный, уже не в силах сдерживаться. – Или память по-прежнему изменяет тебе? Может, ты скажешь сейчас, что забыла про все? Про любимого дядю? Про страшную смерть его? И про то, как в ненастную, горестную для Ирландии ночь поклялась вместе с матерью всю жизнь свою ненавидеть убийцу Моральта? Ну скажи, скажи мне, что не было этого!

Изольда молчала, и Красный, должно быть, решил: «Ну слава Богу! Проняло». Потому что голос его вдруг сделался спокойнее:

– Ладно, если позволишь, я сам принесу сюда твой ларец.

– Принеси, – сказала Изольда глухо.

Шаги сенешаля, удаляясь, стихли, и после молчали все, пока вновь не скрипнула дверь. Экспертизу они тоже проводили в тиши. Слышалось разве тяжелое сопение Гхамарндрила и какое-то позвякивание. Тристан вдруг представил себе очень ярко, что уже в следующую секунду может произойти. «Ё-моё! Да для этих замшелых кельтов человека зарезать – как два пальца обоссать!» Он, правда, никак не мог сообразить, кого именно сейчас зарежут и почему, но подсознательный страх оказался сильнее. Первым естественным стремлением было – сдернуть с глаз повязку, но он отбросил эту идею как совершенно негодное начало для грамотной самозащиты и просто подал голос, зато громко и яростно:

– Красный! Уходи отсюда, подлец! Сначала ты ответишь за ложь, а уж потом я – за победу в честном поединке. И я все равно убью тебя, но не сегодня. Слышишь, Красный?

С перепугу он выпалил это все на старофранцузском, и сенешаль не понял ни черта. Да и остальные, естественно, тоже. И все-таки речь его возымела действие. Очевидно, эти древние придурки воспринимали не слова, а интонации, как собаки.

– Что там кричит этот враг, которого ты лечишь вместе со своей матерью вопреки данной вами клятве?! – завизжал Красный.

– Оставь нас, – холодно и твердо проговорила Изольда. – Он просит тебя уйти («Выходит, Изольда-то поняла кое-что. Ишь, грамотная деваха!»), и я прошу о том же. Оставьте нас все. Я сама покончу с этим.

Следом, через какие-нибудь две секунды, раздался резкий громкий звук, как от удара плоской железякой по камню или дереву. Да, пожалуй, все-таки по дереву. Торопливое шарканье многих ног наполнило комнату. Затем все стихло.

Струйки холодного пота побежали по спине Тристана.

Что?! Вот это глюк: сидеть всем телом в ванне и ощущать, как струйки пота бегут по спине! Однако и не такое причудится, когда глаза закрыты, а в тишине только медленные шаги и сосредоточенное дыхание, да звенит еще в памяти эхо решительного удара мечом по столу плашмя, но явно с размаху, дополненное словами: «Я сама покончу с этим».

Мог он вскочить ей навстречу, выхватить меч, заткнуть рот, связать? Мог он сделать все это тихо, а потом еще тише одеться и уйти? Конечно, мог. Но почему-то не сделал. Надоело бегать от смерти. Так бывает. Это известно любому солдату. Утратившие страх смерти становятся неуязвимы. Их даже пули не берут. Но то пули... А заговоренные мечи?

– Окуни лицо в воду! – приказала Изольда.

И он перегнулся с усилием и почти нырнул. Скрючился, подставив шею. Очень удобная поза для палача.

– Теперь подними голову и снимай повязку!

«Это что-то новенькое! – подумал он. – Снимать повязку перед казнью?»

– Снимай повязку! – Изольда повторила приказ.

Приказ? Да нет же! Это была просьба. Нежная, ласковая и... нетерпеливая:

– Снимай повязку, Иванушка!

«Ё-моё! Да она же по-русски говорит! С самого начала по-русски говорила. Как же я сразу не...»

Он уже сорвал ненавистную мокрую ленту и отбросил ее, как змею, и в комнате вспыхнуло солнце, ярче всех солнц на свете, и больше не было ни Темры, ни Тинтайоля, ни Москвы, ни Грозного, ни Марка, ни Гормона, ни Дудаева, ни Ельцина – были только они двое – Тристан и Изольда, Иван да Марья, Ромео и Джульетта, Тесей и Ариадна... Не имело никакого значения, как их зовут и на каком языке они разговаривают. Им вообще не обязательно разговаривать, они будут просто любить друг друга с упоением, молча, страстно, сегодня, сейчас, здесь, и всегда, и повсюду...

Тяжелый меч Тристана, который Изольда до сих пор держала в руках, выпал теперь из ее разжавшихся ладоней и зазвенел о каменные плиты пола, и она рухнула на колени рядом с большой деревянной купелью, и руки их сплелись, и губы сомкнулись, и мир пропал, провалился в густую горячую красную темноту...

Изольда первая поняла, что надо возвращаться из этого безрассудного сна наяву, застучала кулачками по его голой спине, и Тристан отпустил ее, смеясь счастливым залившимся смехом.

– Хватит ржать, дурашка, – сказала она ласково. – У нас очень мало времени. – Поднялась, якобы брезгливо отряхиваясь. – Ну вот. Теперь меня спросят, почему я вся мокрая.

– Да пошли они в баню!

– Это мы с тобой сейчас в бане. Вот это помещение у них тут баней называется, – сообщила Маша.

– Классная банька! – похвалил Иван. – А кровать зачем?

– Ну, наверное, у них сразу после бани полагается... – Она хихикнула.

– Стоп, Машка, стоп! Мне так хорошо с тобой, я про все забываю, но ты же сама сказала, что мы торопимся.

– Верно! – спохватилась Маша. – Садись обратно в эту лоханку и слушай меня внимательно. Они скоро вернутся. И мы должны будем рассказать им, как все произошло, почему я не убила тебя. Мы должны будем рассказать это так, чтобы они поверили, мы должны убедить их.

– А это возможно? – жалобно поинтересовался Иван.

– Ну конечно! – ответила Маша с энтузиазмом. – Это же все описано, ты что, не читал? Ах, ну да... Ты же со мной не учился. Понимаешь, разных описаний уйма, но никто не знает, как все было на самом деле, можно только догадываться, вычислять, потому что самые древние первоисточники, как всегда, оказались утрачены. Значит, так, погоди, сейчас я вспомню. У Марии Французской это хорошо описано. Впрочем, у нее этого вообще нет. Лучше сделать все по Берулю. Или по Томасу?.. Как тебе кажется?

Она разговаривала сама с собой.

– А знаешь, давай по Готфриду Страсбургскому! – Счастливая улыбка от уха до уха.

– Давай, – согласился он, так же широко улыбаясь. – Давай по Гопфильду. Ты не пове-ришь, всю прежнюю жизнь свою я прожил по этому Гамбургеру, так уж надо и дальше по нему. Логично?

– Да ну тебя! – шутливо обиделась она. – Дело-то серьезное, а ты все Ваньку валяешь.

– Я предпочел бы Машку повалять.

– Слушай, ну правда, перестань.

– Хорошо, хорошо, – посерьезнел он. – Что, повязку обратно надевать?

– Не надо. Зачем?

– Мало ли... А кстати, зачем ты меня нырять заставила?

– Так местные лекари предписывают. Ну и просто, чтобы тебе легче снимать ее было. Вот дурачок! – засмеялась Маша. – Сиди давай тихо. Слушай и запоминай.

Двумя руками сжавши меч,
Тристану голову отсечь
Была готова уж она,
Но вдруг, печальных дум полна...

В общем, это была жутко душеспипательная история о том, как нелегко бить лежачего, тем паче убивать его, и о том, какой грех отказываться от руки и сердца человека, не пожалевшего ничего, даже жизни своей, ради спасения твоей страны, вероломно захваченной безжалостным страшным чудовищем. Ко всему прочему, по ходу изложения Изольде своей печальной, но героической судьбы Тристан честно признавался во всем, вплоть до истинной цели приезда в Ирландию, то есть всенародно обещал заявить: не для себя невесту завоевывал – для дяди.

Словом, как говорится, в стихах это было изумительно. Но в одном месте, где сказывалось про короля Марка, Иван засомневался в логичности построений старонемецкого поэта и позволил себе возразить:

– Погоди, ты что же, на самом деле собираешься выходить замуж за моего старпера дядю Марика?

– Да куда я еще не собираюсь! – рассердилась Маша. – Нам просто надо живыми отсюда выбраться, а для этого необходимо как можно точнее следовать тексту легенды. Вот и все. Останемся одни, тогда и подумаем обо всем спокойно. А сейчас мы себе не принадлежим – мы принадлежим обстоятельствам. Понял?

– Понял, – кивнул Иван, действительно начиная потихонечку въезжать в ситуацию.

Особенно слово «легенда» ему понравилось. Говорить, действовать, жить по легенде – ему ли привыкать к такому?

Они уже обговаривали детали, Маша снова присела рядом с Иваном, и руки их, неподвластные разуму, вновь сталкивались, и трепетные пальцы, вздрогнув при встрече, бежали дальше, выше, и они все ласкали, ласкали друг друга, и это было так сладко, так остро, так горячо – до озноба! – что в последний момент они чуть не забыли о чем-то очень важном, а потом, едва ли не одновременно сделав глубокий вдох, напомнили – он ей, она ему – о необходимости срочно переходить в разговоре на древнеирландский, и тут дверь скрипнула, и на пороге возникла Бригитта. К счастью, одна.

– Ну, слава Христу, жив! – выдохнула она. – Я так боялась, моя госпожа, что ты действительно обагришь себе руки кровью этого славного рыцаря.

– Я не смогла, – проговорила Изольда и объяснила: – Ведь это он спас остров Эрин от ужасного дракона.

– Ты права, госпожа моя, и королева поддержит тебя. Я уже говорила с ней. Она готова простить Тристану смерть Моральта.

– О Боже! – воскликнула Изольда. – Правда ли это?

– Скажи мне лучше, дорогая принцесса, как здоровье нашего пациента?

– Уже совсем неплохо. Я думаю, он нынче встанет. А завтра будет готов взять в руки оружие.

– Изольда знает, что говорит, – подтвердил Тристан. – Я чувствую необычайный прилив сил.

– О, как я рада за тебя, мой менестрель! – прощепетала Бригитта и, с озорной улыбкой подбежав к купели, наклонилась, обхватила вдруг Тристана за шею и коротко чмокнула в губы. – Ты достоин поцелуя каждой девушки Ирландии. О-о! – Взгляд Бригитты скользнул ниже. – О, менестрель Тантрис! Да ты действительно уже совсем здоров.

Конечно же, во время ласк с Изольдой у молодого человека, давно (или никогда?) не знавшего женщин, да к тому же сидящего обнаженным в теплой ванне, произошло восстание плоти, и теперь за полминуты пустого разговора вряд ли он полностью успокоился, а тут еще юная игриво-обворожительная рыжая бестия служанка со своими нежностями. Перехватив ее взгляд, юноша не знал куда деваться от стыда.

– Глупенький! – поняла Бригитта. – Ты меня стесняешься? Пристало ли благородному и славному рыцарю стесняться какой-то простолюдинки?

И нежно рассмеявшись, она обняла его еще раз, а правая рука Бригитты, словно рыбка, скользнула в воду и хищной пастью-ладонкой поймала уже пульсирующий от возбуждения жезл.

– Ну смотри, какой ты красивый! Чего же тут стесняться? – шептала она. – Смотри: туда-сюда, туда-сюда! Тебе приятно?

Потом она поймала его рот раскрытыми губами, и поцелуй стал последней каплей – Тристан затрясся, выстреливая над поверхностью воды целый фонтан горячего мужского сока.

Все это произошло с невероятной быстротой, Изольда даже не успела ничего сказать – не то что сделать. Странная, ни на что не похожая мешанина противоречивых чувств захлестнула ее, сдавливая горло и тесня дыхание, сердце бешено колотилось, кровь прилила к голове, а в кончиках пальцев щекотно покалывало. В течение каких-то секунд она действительно не могла вздохнуть, но сказать, что ей стало плохо... О, это было бы нечестно по отношению к самой себе!

А Бригитта отошла от купели, деловито поправила платье, присела на постель и как ни в чем не бывало взглянула на хозяйку честными и преданными глазами.

– Что ты себе позволяешь, нахалка?! – выговорила наконец Изольда.

– Это всего лишь один из способов лечения, госпожа. Спроси у своей матушки, если не веришь.

Что могла ей возразить Изольда? Не сознаваться же в любви к Тристану! Ведь этого просто нельзя было делать. Пока. «А собственно, почему? – спрашивала она себя. – Да все потому же, дуреха! Как можно ближе к тексту легенды. По легенде между вами еще нет любви. Каждую роль надо играть точно по сценарию. Крепись, девочка, это лишь первое и не самое сложное испытание для тебя!»

Сенешаль короля Гхамарндрил Красный так и не утихомирился. Продолжал настаивать на своей победе над драконом. А что еще оставалось ему делать? Выбор-то у Красного оказался невелик: сознаться во лжи и молить о пощаде, расписаться в том, что он – трусливая собака, и все равно погибнуть (скорее всего) от руки палача; или – упорствовать до конца, выйти один на один с Тристаном и умереть в бою, как подобает рыцарю. Второе, может быть, и страшнее, но явно предпочтительнее. В таком варианте есть шанс. Конечно, Тристан Лотианский – не просто рыцарь, вне всяких сомнений, он спутался с колдунами, если не сам является колдуном. Но ведь даже заговоренные мечи иногда удается сломать, и даже мудрейшие из мудрейших филидов иногда ошибаются в предсказаниях, потому что любые волшебники – это все-таки только люди, а Бог – один и пути Его неисповедимы. Так думал сенешаль.

А уходя в бой, Гхамарндрил оставил слугам для короля и для всех, кто этим заинтересуется, свое предсмертное послание. Нет, он не написал там: «Если погибну, прошу считать меня коммунистом». Он вообще не умел писать. Как выяснилось, был у него другой, почему-то скрываемый ото всех талант – сенешаль умел рисовать. И на пергаменте последнего послания изобразил он победу Тристана над драконом. То, что это именно Тристан, сенешаль сам поведал устно своему капеллану, и тот начертал под рисунком название по-латыни.

А картинка выглядела весьма условной, но красноречивой. Замок Темры располагался неправдоподобно близко, в небе над ним летели какие-то крупные птицы, похожие больше на стратегические бомбардировщики. В правом верхнем углу изображен был зачем-то сводчатый вход в храм или иное строение, слева позади пещеры имелась не менее загадочная пирамида: то ли гора, то ли купол какой-то. Сам вылезший из-под земли дракон, очевидно, с целью приуменьшить заслуги Тристана, имел вид достаточно тривиального африканского льва, только с очень длинным хвостом и очень путаной гривой, маскировавшей и делавшей совсем не страшными даже зубы в разинутой пасти. Одежда Тристана выглядела не просто легкой, но легкомысленной для такой-то схватки: рубашечка, штанишки, ботиночки какие-то, и только широкая шляпа, в которой можно было (при желании) угадать шлем, защищала голову. Поднятый меч смотрелся достаточно длинным и увесистым, но всего тщательнее прорисовал несчастный сенешаль оружие победы героя – таинственный «шарик от палицы», превратившийся затем, как мы знаем, в огонь и грохот. Граната «лимонка», вид сверху. Размер был несколько преувеличен, так ведь у страха глаза велики, а у дракона пасть и того больше – проглотит.

В общем, рисунок удался на славу. Гормон показал его Изольде, а Изольда Тристану в тот же вечер.

– Хорошо рисовал, собака! – подивился старый король и заметил: – Вот только щит какой-то маленький получился...

И Изольда чуть было не лягнула: «Это не щит».

Зачем, для чего, по рецептам какой магии изображал красноволосый хитрюга своего врага на пергаменте? Какие силы двигали рукою подлого сенешаля? Теперь уже никто не узнает.

А Гхамарндрил когда-то услышал фразу: «Dum spiro, spero». И часто повторял ее на чуждой ему латыни и на родном: «Пока дышу, надеюсь». С этими словами на знамени он и вышел на последний бой в своей жизни. Да, он надеялся убить Тристана, не мог не надеяться – это был его единственный шанс.

А Тристаном двигала в тот момент лютая ненависть к подлому обманщику; и верность слову, данному королю Марку; и жгучее нежелание умирать, когда столь многие тайны этого мира остались неразгаданными. И наконец, им двигала любовь – к Маше, то есть уже к Изольде, и предмет его любви был теперь не где-то далеко, а здесь, совсем-совсем рядом, и именно от исхода поединка зависело, упадут они в объятия друг друга или расстанутся навсегда. Против такого набора стимулов не устоял бы, наверное, и хорошо вооруженный отряд моджахедов, заброшенный на зловещей черной «акуле» из Турции на окраину Шали. Бедный, бедный сене-шаль Красный. Куда уж ему!

Кончилось время красных. И здесь и там.

Они сражались на развалинах храма, уничтоженного язычниками лохланнами еще пару веков назад. Не прошло и получаса от первого звонкого удара меча о меч, как красноволосая голова Гхамарндрила покатила, чертя темную дорожку по замшелым щербатым ступеням, вниз, к морю, где симпатичные белые барашки призывно накатывались на каменное крошево, как бы шепча Тристану: «Пора, пора! Море ждет вас, о великие любовники, Тристан и Изольда!»

Глава седьмая,

и, быть может, самая главная во всем повествовании, потому что именно в ней наши герои вкушают Волшебного Напитка (наряду со многими прочими напитками) и узнают, что такое настоящая любовь

Провожали Тристана и Изольду в Корнуолл с большими почестями. Собственно, устроен был пир в их честь. Тут-то и пригодились захваченные из дому шикарные одежды для всей команды. Гонец короля Гормона привез отряду Тристана приглашение на большой праздник в главную столицу Ирландии Темру, и Курнебрал, уже не первый день томившийся в неведении и тревоге, обрадовавшись несказанно, дал приказ отплывать из гавани Ат-Клиата. Корабль шел при попутном ветре, и очень скоро недавние враги эринцев причалили в гостеприимном речном порту. Фактически между Ирландией и Корнуоллом в этот день был заключен мир. Встреча двух королев планировалась, конечно, на ближайшее будущее, но, по сути, была уже не обязательна. Корнуоллец Тристан сделался героем Эрина, а ирландский королевский двор принял предложение Марка породниться – вот что было главным. Это и стало поводом для большого праздника.

И пиршество удалось на славу. Для некоторых даже слишком. Тристан, умотавшийся в боях и интригах, как собака, как загнанная лошадь, чувствовал, что нервы его уже на пределе, и решил оттянуться на полную катушку. Вот и не рассчитал немножечко с вином.

На специально снаряженный для него с Изольдой корабль Курнебрал отнес героя на руках. Ночью, потихонечку, когда уже никто не мог их увидеть.

Остальные корнуольские воины покинули Ирландию еще до рассвета. Таков был приказ короля Марка, данный еще много дней назад, – возвращаться настолько скоро, насколько это будет возможно. Тристану же вместе с его верным оруженосцем надлежало на небольшом ирландском судне ожидать до утра будущую королеву Корнуолла, пока отец и мать простятся с любимой дочерью по всем правилам. А правил этих, древних загадочных ритуалов, ирландцы немало хранили, передавая из поколения в поколение, и свято соблюдали. Королева Айсидора была тут особенно пунктуальна. И помимо многих устных советов, снабдила дочь целым набором чудодейственных средств на все случаи жизни: успокоительных и возбуждающих, повышающих плодovitость и предохраняющих от беременности, зовущих сон и перемогающих боль,

а также самых тайных и опасных – позволяющих, например, если это необходимо, беседовать с силами Аннона, да так, чтобы не пускать демонов внутрь себя.

И было еще одно снадобье, которое, согласно традиции, вручила Айсидора не Изольде, а служанке ее Бригитте, – изящный серебряный кувшин с золотой пробкой, залитой воском, а в нем – великой силы приворотное зелье обоюдного действия, по вкусу и запаху – будто ароматнейшее терпкое вино из южной лозы, а по цвету – темно-бурое, словно густой поздний мед – дабы не перепутать с обычным вином. И наказала королева наполнить этим напитком специальный серебряный кубок перед первой брачной ночью Изольды и Марка и проследить, чтобы поочередно не менее двух раз передавали они друг другу эту чашу с волшебным напитком и осушили ее до дна. А то, что останется в кувшине, строго-настрого велено было выплеснуть наземь, а еще того лучше – в отхожее место, ибо ни одна капля не должна была попасть иным людям на язык, губы или другие чувствительные места.

Бригитта была образцовой служанкой и никогда не задавала господам лишних вопросов, но на этот раз что-то случилось с нею, она вдруг почувствовала многие вопросы, зашевелившиеся в ее голове, и многие сомнения. Она промолчала, верная правилам своим, но ей вдруг сделалось страшно. И руки начинали трястись, едва лишь только пальцы касались загадочного сосуда с любовным напитком. Плескалось в нем счастье, перемешанное с погибелью, великое искушение плескалось в нем. И было то искушение сильнее смерти и даже сильнее... (Бригитта содрогнулась от собственной мысли) ...сильнее веры ее в Единого и Всемогущего Бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.